Восход

Автор:
Виктория Хислоп

Восход

Виктория Хислоп

На что может решиться человек, чтобы защитить тех, кого любит?

Кипр – жемчужина Средиземного моря. Фамагуста – прекраснейший город на острове, в который стекаются туристы со всего света… Афродити и ее муж Саввас открывают самый роскошный в Фамагусте отель «Восход», где мирно работают и греки, и турки.

Спасаясь от межнациональной вражды, в Фамагусту переезжают две семьи – греческая Георгиу и турецкая Ёзкан. Их дома расположены рядом, и семьи быстро подружились. Однако под внешним лоском спокойной жизни в городе чувствуется напряженность. Под предлогом защиты турок-киприотов на остров вторгаются турецкие войска, повергая страну в хаос. Практически все жители покидают Фамагусту, и только две семьи – Георгиу и Ёзкан – остаются в разрушенном и ограбленном городе, найдя пристанище в брошенном хозяевами отеле «Восход». Пытаясь выжить в нечеловеческих условиях, они сражаются с голодом, страхом и собственными предрассудками.

Впервые на русском языке!

Виктория Хислоп

Восход

Посвящается Эмилии

??μ???? ??? ?? ?v? ???μ????[1 - Сверкающей, как чистейшей воды бриллиант (греч.). – Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных случаев.]

Victoria Hislop

THE SUNRISE

Copyright © 2014 Victoria Hislop

All rights reserved

Перевод с английского Ирины Нелюбовой

Серийное оформление и оформление обложки Ильи Кучмы

Карта выполнена Юлией Каташинской

Выражаю глубокую благодарность следующим людям за помощь в проникновении в суть вещей, вдохновение, любовь, дружбу и гостеприимство:

Эвтимии Альфас

Антонису Антониу

Микаэлу Колокассидесу

Теодоросу Франгосу

Алексису Галаносу

Марии Хадживасили

Мэри Хэмсон

Иану Хислопу

Уильяму Хислопу

Костасу Клеантусу

Янгосу Клеопасу

Ставросу Ламбракису

Дэвиду Миллеру

Кристе Нциани

Костасу Пападопулосу

Николасу Папагеоргиу

Александросу Папаламбосу

Флоре Рис

Хусейину Силману

Вассо Сотириу

Томасу Воджацису

Сидждем Вортингтон

До того, как началась эта история…

1878 Британское правительство заключает союз с Турцией, и Кипр переходит под протекторат Великобритании, хотя остров остается частью Оттоманской империи.

1914 Великобритания аннексирует Кипр, когда Оттоманская империя становится на сторону Германии в Первой мировой войне.

1925 Кипр становится британской колонией.

1955 ЭОКА (Национальная организация освобождения Кипра) под руководством Георгиоса Гриваса начинает борьбу против англичан. Ее цель – энозис (объединение с Грецией).

1959 Великобритания, Греция, Турция, а также общины греков-киприотов и турок-киприотов пришли к согласию по урегулированию конфликта на Кипре: подписаны Цюрихско-Лондонские соглашения. Архиепископ Макариос избирается президентом Кипра.

1960 Кипр становится независимой республикой, но Договор о гарантиях дает право Великобритании, Греции и Турции вмешиваться в дела острова. Великобритания сохраняет две военные базы.

1963 Президент Макариос вносит тринадцать поправок к Конституции Кипра, и между общинами греков и турок вспыхивает конфликт. Никосия разделена, граница патрулируется британскими войсками. Турки-киприоты отказываются занимать государственные должности и участвовать в политической и административной жизни острова.

1964 Новые инциденты жестоких столкновений между двумя этническими общинами. ООН посылает миротворческие силы. Турки-киприоты переселяются в анклавы.

1967 Снова столкновения между общинами. В Афинах происходит военный переворот, и конфликт между президентом Макариосом и греческим режимом

усиливается.

1971 Георгиос Гривас тайно возвращается из Греции на Кипр и организует ЭОКА-Б, цель которой по-прежнему энозис.

Когда-то Фамагуста была процветающим городом с населением в сорок тысяч человек. В 1974 году, когда Турция вторглась на Кипр, все жители спешно покинули город. Вот уже сорок лет Вароша – так город называется сегодня – остается безлюдной, заброшенной территорией, которую турецкие солдаты обнесли колючей проволокой. Это город-призрак.

Глава 1

Фамагуста, 15 августа 1972 года

Фамагуста отливала золотом. Белоснежные пляжи, ласковое море, беззаботные туристы, довольные жизнью обитатели города – на всем, казалось, лежал драгоценный налет удачи и благополучия.

Мелкий светлый песок и бирюзовая вода создали идеальную бухту в Средиземном море. Сюда устремлялись искатели удовольствий со всего мира, чтобы насладиться теплом и спокойной гладью моря, нежно плескавшегося вокруг. Это было подобием рая.

Старый город-крепость с мощными стенами раскинулся к северу от курорта. Туристы ездили туда на экскурсии, знакомились с его историей, любовались сводчатыми потолками, тонкой резьбой по камню и контрфорсами бывшего собора Святого Николая, превращенного теперь в мечеть. Они разглядывали то, что осталось от города XIV века, и, стоя под палящим полуденным солнцем, слушали повествование гида о Крестовых походах, сокровищах королей династии Лузиньянов и приходе турок-оттоманов. А вернувшись в свои отели, ныряли в бассейн, и прохладная вода уносила прочь воспоминания об этих рассказах вместе с путом и пылью истории.

По-настоящему туристов манил построенный в XX веке курорт, и после краткого экскурса в историю отдыхающие с радостью возвращались в современные комфортабельные отели, где из огромных панорамных окон открывались великолепные виды.

Через узкие щели бойниц в стенах Старого города хорошо было наблюдать за врагом, но они почти не пропускали света. Задачей средневековой крепости было не дать проникнуть внутрь захватчику, новый же город строился так, чтобы привлекать туристов. Он разрастался вширь и ввысь, словно сливаясь с синевой моря и неба. Фамагуста 1970-х была светлой, радушной и созданной для того, чтобы принимать гостей. Противостояние врагам осталось далеко в прошлом.

Это был один из самых шикарных курортов мира, специально созданный, чтобы дарить удовольствие. Здесь все было устроено для максимального комфорта отдыхающих. В высотных зданиях вдоль побережья располагались отели с изысканными кафе и дорогими магазинами на первых этажах. Они могли удовлетворить запросы самой взыскательной публики и ни в чем не уступали отелям Монако и Канн. Здесь все было создано для отдыха и удовольствия, и новая международная элита легко подпала под очарование острова. Днем туристы наслаждались солнцем и морем. А после заката сотни заведений, где можно было поесть, выпить и развлечься, распахивали перед отдыхающими свои двери.

Фамагуста была не только туристическим раем, но и самым глубоководным и важным портом Кипра. В каждом уголке мира можно было отведать выращенных на острове цитрусовых, которые ежегодно отправляли отсюда на судах.

Большинство дней с мая по сентябрь были похожи друг на друга, хотя иногда температура резко повышалась, и тогда солнце палило безжалостно. Небо было всегда безоблачное, дни длинные, воздух сухой, а море прохладное, но ласковое. Бескрайние пляжи с мелким песком были уставлены разноцветными зонтиками, под которыми на лежаках загорелые отдыхающие потягивали прохладительные напитки. Самые активные резвились на мелководье или эффектно рассекали морскую гладь на водных лыжах, закладывая смелые виражи.

Фамагуста процветала. Местные жители, приезжий персонал, туристы – все были довольны жизнью.

Ультрасовременные отели, в основном двенадцатиэтажные и выше, вытянулись вдоль побережья. На южном конце пляжа совсем недавно вырос еще один – пятнадцатиэтажный, вдвое шире остальных, еще даже без вывески.

Его обращенный к пляжу фасад был таким же простым, как и у соседних отелей, охватывающих бухту, словно ожерелье. Однако со стороны дороги здание имело величественный вид благодаря внушительным воротам и высокой ограде.

В тот жаркий летний день отель был полон людей. О том, что это не отдыхающие, свидетельствовали их комбинезоны и спецовки. Рабочие, техники и дизайнеры наносили последние штрихи для завершения тщательно продуманного плана оформления. Несмотря на то что снаружи отель выглядел вполне заурядным, его интерьеры выгодно отличались от убранства конкурентов.

Владельцы стремились поразить роскошью и считали холл одним из самых важных помещений. Гости должны были влюбляться в отель с первого взгляда. Если он не произведет впечатления сразу, игра будет проиграна. Второго шанса не будет.

Прежде всего впечатлять должен был размер. Мужчина, скорее всего, почувствовал бы себя как на футбольном поле. Женщине пришло бы на ум сравнение с красивым озером. И обоих, несомненно, восхитил бы сияющий мраморный пол, создающий впечатление, будто гости скользят по водной глади.

Именно такие чувства испытывал Саввас Папакоста. Ему было тридцать три, хотя выглядел он старше из-за мелькающих в темных волнистых волосах седых прядей. Коренастый, гладко выбритый, сегодня, как обычно, он был в сером костюме (суперсовременная система кондиционирования отеля обеспечивала прохладу) и светлой рубашке.

В холле работали только мужчины. Единственным исключением была жена Папакосты – темноволосая женщина в безукоризненном платье-рубашке кремового цвета. Она следила за тем, как вешают портьеры в холле и бальном зале, но в течение предыдущих нескольких месяцев руководила выбором тканей

и мягкой мебели для всех пятисот номеров. Афродити обожала это занятие, и у нее был к тому недюжинный талант. Создание индивидуальной атмосферы каждой комнаты, собственного неповторимого стиля для каждого этажа было для нее сродни выбору одежды и подходящих аксессуаров.

Прекрасный вкус Афродити был гарантией того, что по завершении работ интерьер будет совершенным, однако без нее отель вообще не был бы построен. Деньги на строительство дал ее отец. Трифонас Маркидес был владельцем нескольких многоквартирных домов в Фамагусте, а также крупной судоходной компании, которая занималась экспортом фруктов и прочих товаров.

Он познакомился с Саввасом Папакостой на собрании в местной торгово-промышленной палате. Маркидес угадал в молодом предпринимателе кипучую жажду деятельности. Трифонас и сам был таким на заре своей карьеры. Ему не сразу удалось убедить жену, что владельца небольшого отеля в далеко не самом фешенебельном конце пляжа ждет блестящее будущее.

– Афродити уже двадцать один, – напомнил Маркидес супруге. – Пора подумать о ее замужестве.

Артемис считала, что неотесанный Саввас не пара их красивой и образованной дочери. И дело было даже не в том, что его родители работали на земле, а в том, что этой земли у них было мало. Трифонас же, напротив, смотрел на потенциального зятя как на удачное финансовое вложение. Они много раз обсуждали планы Папакосты построить второй отель.

– Агапи му[2 - Моя дорогая (греч.).], у Савваса грандиозные планы, – уверял Трифонас жену. – Это самое главное. Поверь мне, он далеко пойдет. У парня огонь в глазах. Я могу говорить с ним о бизнесе как мужчина с мужчиной.

Когда Трифонас Маркидес в первый раз пригласил Савваса Папакосту к ним на обед в Никосию, Афродити знала, на что втайне надеялся ее отец. Coup de foudre[3 - Любовь с первого взгляда (фр.).] не случилась.

У нее не было опыта общения с молодыми людьми, так откуда ей было знать, что именно она должна испытывать? Никто не сказал этого вслух, но если бы Папакоста внимательно посмотрел на фотографию, висевшую на почетном месте на стене, он бы заметил, что похож на сына четы Маркидес, единственного

брата Афродити. Саввас был таким же мускулистым, как Димитрис, с волнистыми волосами и большим ртом. Даже возраст был таким же.

Двадцатипятилетний Димитрис Маркидес был убит во время стычки между греками и турками-киприотами в Никосии в начале 1964 года. Это произошло всего в миле от дома, и Артемис верила, что сын просто случайно попал под перекрестный огонь.

«Невиновность» Димитриса делала его смерть еще более трагичной для матери, но отец с дочерью знали, что дело было не в роковом совпадении. Брат с сестрой делились друг с другом всем. Афродити покрывала Димитриса, когда тот тайком уходил из дому, сочиняла разные истории, чтобы выгородить его, а однажды даже спрятала оружие у себя в комнате, зная, что там его не станут искать.

Брат и сестра Маркидес получили элитарное образование в Никосии и проводили идиллические летние каникулы в Фамагусте. У их отца было необыкновенное чутье на инвестиции, и он уже вложил немалые деньги во время бума недвижимости, который разразился на морском курорте.

После смерти Димитриса все переменилось. Жизнь семьи погрузилась во мрак, и, казалось, краскам не суждено вернуться. Артемис не могла и не хотела забыть свое горе. Трифонас ушел с головой в работу. Афродити неделями сидела взаперти в полной тишине в доме, где иногда весь день даже не открывали ставни. Ей хотелось вырваться на свободу, но достичь этого можно было, только выйдя замуж. Познакомившись с Саввасом, девушка поняла: это ее шанс.

И хотя между ними не пробежала искра, Афродити понимала, что жить будет легче, если она выйдет за человека, который нравится отцу. Ее также воодушевила мысль, что для нее найдется место в его планах насчет отеля.

Через восемнадцать месяцев после знакомства Афродити с Саввасом чета Маркидес устроила грандиозную свадьбу, какой не видели на Кипре последние десять лет. Венчал молодых президент страны, его блаженство архиепископ Макариос. На празднестве присутствовало более тысячи гостей, выпивших столько же бутылок французского шампанского. Приданое невесты только в драгоценностях оценивалось в сумму свыше пятнадцати тысяч фунтов. А в день бракосочетания отец подарил Афродити ожерелье из редких голубых бриллиантов.

Через несколько недель Артемис начала поговаривать, что хотела бы переехать в Англию. Бизнес Маркидеса благодаря бурному росту Фамагусты по-прежнему процветал, но жить на Кипре было выше ее сил. После смерти Димитриса прошло пять лет, но воспоминания о том ужасном дне не покидали безутешную мать.

– Давай начнем все заново где-нибудь в другом месте, – не унималась она. – Что бы мы здесь ни делали, где бы ни жили, наша жизнь уже никогда не будет прежней.

Скрепя сердце Трифонас Маркидес сдался. Теперь, когда дочь была выдана замуж, он был спокоен за будущее, зная, что часть его останется на родной земле.

Саввас оправдал ожидания, доказав тестю, что способен превратить голую землю в источник дохода. Он с детства видел, как родители трудятся на земле, едва сводя концы с концами. В четырнадцать Саввас помог отцу сделать пристройку к дому. Ему понравилось само занятие, но, что гораздо важнее, он понял: в землю можно не только сеять семена, а потом снимать урожай. Этот бесконечный цикл он презирал и считал совершенно бессмысленным.

Увидев, как возводится первое высотное здание в Фамагусте, молодой Папакоста моментально прикинул в уме, какую прибыль можно получить с акра земли, если строить ввысь, а не копать вглубь, чтобы посадить семена или деревья, которые требовали неустанной заботы. Воплотить план в жизнь мешало единственное препятствие – отсутствие денег. Саввас трудился на нескольких работах по двадцать четыре часа в сутки, нашел банк, который дал ему ссуду (управляющий проникся верой в его не основанные ни на чем амбиции), и в конце концов наскреб достаточную сумму, чтобы приобрести небольшой незастроенный участок земли и возвести на нем свой первый отель «Парадиз-бич». Но Фамагуста разрасталась, и амбиции молодого Папакосты росли вместе с ней.

Главным инвестором нового отеля Савваса стал Трифонас Маркидес. Они вместе составили бизнес-план. Папакоста намеревался в будущем построить сеть отелей, которая станет международной и столь же известной, как «Хилтон».

И вот первая стадия этого проекта близилась к завершению. Строительство самого большого и роскошного отеля в Фамагусте было завершено. «Восход» готовился распахнуть двери перед гостями.

К Саввасу Папакосте устремился нескончаемый поток рабочих, которые хотели, чтобы он принял у них работу. Он понимал, что окончательная картина складывается из тысячи деталей, и ему была интересна каждая из них.

Люстры заняли свои места, и преломленные в хрустальных подвесках лучи света образовали на потолке причудливые многоцветные узоры, которые отражались на полу. Не вполне удовлетворенный результатом, Саввас опустил цепь на два звена. Радиус узоров удвоился.

В центре огромного холла размещался фонтан с тремя позолоченными дельфинами в натуральную величину. Они будто выныривали из воды, и их блестящие глаза смотрели прямо на зрителей. Двое мужчин регулировали поток воды, льющийся из их ртов.

– Мне кажется, надо немного увеличить давление, – посоветовал Саввас.

Полдюжины художников тщательно покрывали сусальным золотом выполненную в неоклассическом стиле лепнину на потолке. Работали они так, словно впереди у них была вечность. О том, что это далеко не так, намекали пять циферблатов часов, которые висели над стойкой администратора. Изготовленная из красного дерева, она была не менее тридцати ярдов в длину. Не позже чем через час под циферблатами появятся таблички с названиями главных финансовых центров мира, а время будет выверено до секунды.

Декоративные колонны, напоминающие об агоре в близлежащем Саламисе, были вручную расписаны под мрамор. На строительных лесах трое художников работали над фреской trompe l’oeil[4 - Техника живописи, создающая оптические иллюзии (фр.).], изображавшей античные сцены. Центральной фигурой была выходящая из моря Афродита, покровительница острова.

Выше на этажах, как пчелы в улье, трудились парами горничные. Они стелили новые прохладные простыни на кровати королевского размера и натягивали наволочки на пышные пуховые подушки.

– В этой комнате уместится вся моя семья, – заметила одна.

– Да здесь одна ванная больше, чем весь мой дом, – отозвалась ее товарка с ноткой неодобрения.

Женщины засмеялись, скорее от смущения, чем от зависти. В подобных отелях, должно быть, живут инопланетяне. С точки зрения горничных, люди, которым нужна мраморная ванна и кровать, на которой можно спать впятером, явно не от мира сего. Даже в голову не придет таким завидовать.

Водопроводчики, проводившие окончательную проверку ванных комнат, и электрики, вкручивавшие лампочки, были того же мнения. Многие из них ютились в домах, где жили несколько поколений. Они слышали дыхание друг друга, когда спали, безропотно ждали свою очередь в туалет на улице, а с наступлением вечера, когда маломощные лампочки начинали мигать, ложились спать. Что-то в душй подсказывало им, что экстравагантность не равняется счастью.

Этажом ниже, неподалеку от крытого бассейна, который рабочие аккуратно выкладывали кафельной плиткой (им не будут пользоваться до ноября), в ярко освещенной комнате с зеркалами хлопотали две женщины в белых нейлоновых халатах. Одна напевала себе под нос.

Их задачей было подготовить к торжественному открытию салон красоты. Сегодня прибыла последняя часть оборудования, которое доставляли в течение нескольких дней. Фены для сушки волос с колпаками самых последних моделей, бигуди всех мыслимых размеров, краски для волос и химические составы для перманентной завивки – все расставлено по своим местам. Шпильки, заколки, ножницы и машинки для стрижки волос, щетки и гребни убраны в ящики или выложены на тележках. Парикмахерское оборудование довольно незамысловато, все зависит от мастерства стилиста. Эмин Ёзкан и Савине Скурос это было отлично известно.

Убедившись, что все разложено по местам и сверкает безупречной чистотой, они в последний раз навели блеск на стойке, пробежались тряпкой вокруг каждой из шести раковин и протерли зеркала и краны в пятый раз за день. Одна из женщин повернула флаконы с шампунями и банки с лаками так, чтобы было видно имя производителя, которым они гордились, и те образовали строгую

непрерывную линию: WellaWellaWellaWella Wella.

В скором времени ожидался большой приток клиенток, которые захотят привести волосы в порядок после проведенного под палящим солнцем дня. Обе женщины были уверены: через несколько месяцев в салоне не будет ни одного свободного места.

– Поверить не могу…

– И я тоже.

– Ну и повезло же нам!

Эмин Ёзкан стригла Афродити Папакосту чуть не с детских лет. До недавнего времени она и Савина работали в маленькой парикмахерской в деловой части Фамагусты. Эмин каждый день приезжала на автобусе из Мараты – деревни, расположенной в десяти милях от города. Когда современный курорт начал расти и процветать, ее муж тоже нашел там работу. Они снялись с места и поселились на окраине нового города, предпочтя его старому средневековому, где в основном жили турки-киприоты.

За последнее время семья Эмин переезжала уже в третий раз. Около десяти лет назад они бежали из своей деревни, когда на нее напали греки-киприоты и их дом сожгли. Какое-то время до переезда в Марату Ёзканы жили в анклаве под защитой войск ООН.

Савина тоже не была уроженкой Фамагусты. Она выросла в Никосии, но конфликт, разразившийся между двумя общинами девять лет назад, оставил в ее душе неизгладимые шрамы. Взаимное недоверие и вражда между греками и турками достигли таких размеров, что для сохранения мира пришлось вводить войска ООН. Город был разделен на две части границей, известной как Зеленая линия. Это коснулось и семьи Савины.

– Мы были против того, чтобы нас вот так разделили, – объясняла она Эмин, когда они делились воспоминаниями. – По ту сторону границы остались наши друзья, с которыми мы не могли больше видеться. Ты представить себе не можешь этот ужас! Но греки и турки убивали друг друга, и, насколько я понимаю, они вынуждены были так поступать.

– В Марате было все по-другому. Мы и греки ладили друг с другом, – говорила Эмин. – Но все равно здесь мы чувствуем себя намного лучше. Больше никуда переезжать не собираюсь!

– Нам тоже здесь лучше, – согласилась Савина, – но я очень скучаю по семье…

Сейчас большинство греков и турок жили мирно. Они больше не беспокоились по поводу парламентских групп. Как ни странно, но теперь соперничество и конфликты начались среди самих греков-киприотов. Меньшая их часть ратовала за энозис – присоединение Кипра к Греции – и намеревалась достичь этой цели путем насилия и запугивания. Это скрывалось от туристов, и даже большинство местных жителей Фамагусты пытались делать вид, что никакой угрозы нет.

Женщины стояли перед зеркалом. Они были одного роста, обе коренастые, с одинаковыми модными короткими стрижками, в фирменных халатах. Эмин была на десять лет старше Савины, но сходство бросалось в глаза. Встретившись взглядами, они улыбнулись друг другу.

Накануне открытия отеля их разговор тек как обычно, словно река во время весеннего половодья. И хотя женщины проводили вместе шесть дней в неделю, темы, казалось, не иссякали.

– Старшенькая моей младшей сестры приезжает в гости на несколько дней, – сообщила Эмин. – Она всегда только и делает, что ходит по улицам и глазеет на витрины. Я сама видела. Стоит и смотрит, и смотрит… – И Эмин изобразила, как ее племянница (одна из пятнадцати детей ее четырех сестер) замирает в восторге перед витриной.

– Это та, что выходит замуж?

– Да, Муалла. И на этот раз ей придется что-нибудь купить.

– Уж тут есть на что посмотреть!

В витринах многочисленных свадебных салонов Фамагусты были выставлены воздушные платья из атласа и кружев. Племяннице Эмин понадобится несколько дней, чтобы посетить их все.

– Она хочет все купить здесь. Туфли, платье, чулки.

– Могу дать адрес салона, где я купила свое платье! – воскликнула Савина.

Женщины продолжали наводить блеск, не прерывая разговора. Обе ни минуты не могли сидеть без дела.

– И еще она хочет купить вещи для дома. У молодых аппетит больше, чем был у нас. – Казалось, Эмин Ёзкан не одобряет амбиций племянницы.

– Кружевные скатерти, вышитые наволочки… Молодежи этого недостаточно, Эмин. Современные удобства – вот что им теперь подавай.

Живя в быстро развивающемся городе, где легкая промышленность процветала благодаря туризму, Савина сама пристрастилась к вещичкам из пластмассы, которые соседствовали с традиционной утварью у нее на кухне.

– Какую прическу выбрала миссис Папакоста для завтрашней церемонии открытия? Подобную той, что была у нее на свадьбе?

Афродити должна была стать первой посетительницей салона.

– Когда она придет?

– Сказала, что в четыре.

Женщины помолчали.

– Она была так добра к нам, да?

– Да, дала нам такой шанс, – согласилась Савина.

– Но здесь все будет по-другому… – заметила Эмин.

Обе знали, что будут скучать по улице Еврипида. Их старая парикмахерская была и клубом, и раем для женщин, где можно было поделиться секретами. Дамский эквивалент кафениона. Женщины в бигуди сидели там часами, зная, что их тайны не покинут стен салона. Для многих это был единственный «выход в свет» за всю неделю.

– Конечно, старые клиентки сюда не придут. Но я всегда мечтала о собственном бизнесе.

– А новые будут другими. Больше похожими…

– …на этих? – Эмин кивнула на черно-белые фотографии в рамках, которые повесили накануне. На них были изображены модели с прическами невест.

– Думаю, делать прически для невест нам придется не раз.

Все, что можно было сделать, было сделано. На следующий день начнется запись. Савина сжала руку подруги и улыбнулась.

– Пойдем, – предложила она. – Завтра у нас у всех знаменательный день.

Они повесили свои фирменные халаты и вышли через заднюю дверь.

Туризм кормил тысячи людей, работающих в ресторанах, магазинах и отелях. Но многих город привлекал не только возможностью заработать, но и безмятежной красотой, которую они ценили не меньше иностранцев.

Местные жители, в особенности молодые парни, как и гости отелей, наслаждались морем и пляжем. Зачастую общение заканчивалось клятвами в вечной любви и слезами в аэропорту.

Был обычный солнечный летний день. Малыш лет трех в одиночестве играл на пляже неподалеку от отеля «Восход». Забыв обо всем, он пересыпал песок с ладошки на ладошку. Потом стал копать ямку, все глубже и глубже, пока не нащупал место, где песок был прохладным.

Снова и снова малыш пропускал песок сквозь маленькие пальчики, пока на ладошке не оставались только самые мелкие песчинки, которые, словно ручейки, стекали на землю, когда он поднимал руки вверх. Мехмет мог играть так вечно.

Вот уже час, как он наблюдал за длинноногими мальчуганами постарше, играющими в воде в поло, и мечтал о том дне, когда вырастет и сможет присоединиться к ним. Пока же приходилось сидеть и ждать брата, который был одним из игроков.

Каждое лето Хусейн подрабатывал на пляже, расставляя и собирая лежаки. Закончив работу, он обычно бросался в воду и присоединялся к игрокам. С тех пор как тренер сказал, что из него может получиться отличный спортсмен, парнишка не знал, что выбрать: стать профессиональным волейболистом или игроком в водное поло? Хусейн надеялся, что можно будет совместить и то и другое.

– Мы должны вернуть тебя на землю! – шутливо пеняла ему мать.

– Зачем? – возмущался отец. – Погляди на парня! С такими крепкими ногами у него не меньше шансов, чем у любого другого.

Увидев идущего по пляжу Хусейна, Мехмет вскочил и помахал рукой. Погруженный в свои мечты, тот пару раз забывал про младшего брата и уходил домой один. Ничего страшного в этом не было, но в три года Мехмет еще плохо ориентировался и мог заблудиться. В деревне, где когда-то родились его родители, ребенок не потерялся бы, но в Фамагусте было иначе.

Мама часто говорила Мехмету, что он маленькое чудо. Хусейн же называл братишку маленькой занозой, что было больше похоже на правду. Именно так он себя чувствовал с двумя старшими братьями.

– Пошли, Мехмет, пора домой, – позвал старший брат, потрепав его за ухо.

Зажав мяч под мышкой и взяв малыша за руку, Хусейн направился к дороге. Оказавшись на шоссе, он принялся стучать мячом об асфальт. Ритмичные повторяющиеся движения завораживали. Иногда Хусейну удавалось пройти весь путь до дома – пятнадцать минут, – не теряя мяча.

Они были так увлечены, что не слышали, как их окликнули.

– Хусейн! Мехмет! – Их мать вышла из служебного входа отеля «Восход» в ста ярдах от них и теперь пыталась догнать сыновей. – Привет, мальчики!

Эмин Ёзкан подхватила Мехмета и сжала в объятиях.

Тот терпеть не мог, когда его брали на руки на улице, и отчаянно вырывался. Ведь он был уже большим!

Эмин чмокнула сынишку в щеку и опустила на землю.

– Мам?..

На расстоянии нескольких ярдов стоял рекламный щит: радостно улыбающийся мальчик с полным стаканом шипучего лимонада. Мехмет смотрел на мальчика каждый день и не терял надежды.

Эмин знала, о чем он попросит.

– Зачем пить напиток из бутылки, если есть свежий? Не вижу смысла.

Как только они придут домой, Мехмету дадут стакан белесой жидкости без пузырьков, сдобренной большим количеством сахара, но тем не менее такой кислой, что у него сведет скулы. Когда-нибудь, после игры в поло, где он будет звездой, он подойдет к киоску и купит себе бутылку. Откроет ее, раздастся громкое шипение, и, пузырясь, пойдет пена.

«Когда-нибудь, – думал Мехмет. – Я сделаю это когда-нибудь».

Каждый из братьев лелеял свою мечту.

Глава 2

Ровно в 18:15, не обращая внимания на то, что творится вокруг, Саввас Папакоста автоматически взглянул на часы.

Пора было отправляться в другой его отель. Они с женой устраивали вечеринку с коктейлями и легкими закусками в «Парадиз-бич».

Перед выходом Афродити привела себя в порядок в дамской комнате почти готового к открытию отеля. Оглядев мраморные стены и мыльницы из резного камня, она с гордостью отметила, что полотенца с монограммой уже развешаны. Афродити тронула губы помадой кораллового цвета, гармонирующей с выбранными для сегодняшнего выхода украшениями, и расчесала длинные густые волосы. Она знала, что Саввас ждет ее в машине у входа.

Когда она шла по фойе, некоторые работники поднимали голову и приветственно кивали ей. Афродити улыбалась в ответ. Больше сотни человек будут трудиться до полуночи, чтобы успеть закончить все вовремя.

Отели были расположены у самого пляжа, чтобы гости могли выйти прямо к кромке прибоя. Когда Саввас с Афродити ехали по проспекту Кеннеди, в просвете между зданиями виднелось море.

– Чудесный вечер, – сказала Афродити.

– Просто великолепный, – кивнул Саввас. – А завтрашний будет еще лучше.

– Думаешь, все будет закончено вовремя?

– Не сомневаюсь. Все знают, что необходимо сделать.

– Цветы доставят в восемь.

– Дорогая, ты слишком много работала.

– Немного устала, – призналась Афродити.

– А выглядишь прекрасно. – Он погладил ее по колену, прежде чем переключить скорость. – Это главное.

Они остановились у «Парадиз-бич».

Пятиэтажный отель выглядел скромно по сравнению с их новым заведением и, пожалуй, тоже немного устало. Гости входили в «Парадиз-бич» через парковку по короткой, вымощенной булыжником дорожке. По обе стороны от главного входа стояли пальмы. Внутри тоже были пальмы, но искусственные. Пять лет назад, когда их поставили, это было ново и необычно, но с тех пор мода изменилась.

– Калиспера[5 - Добрый вечер (греч.).], Джанни, – приветствовал Саввас мужчину за стойкой администратора. – Все идет хорошо?

– Много работы, кириос[6 - Господин (греч.).] Папакоста, очень много работы.

Такой ответ пришелся Саввасу по душе. Несмотря на то что Папакоста был поглощен «Восходом», ему хотелось, чтобы «Парадиз-бич» был полон довольных постояльцев. Он давно пришел к заключению, что регулярные вечеринки для гостей отеля способствуют сохранению их верности, но сегодняшнее мероприятие было особенным.

Утром под дверь каждого номера просунули приглашение на тисненой бумаге.

Г-н и г-жа Папакоста

имеют честь пригласить Вас на коктейли

в патио «Парадиза»

в 18:30

Когда Саввас с Афродити вошли в патио, чтобы поприветствовать гостей, там уже собралось несколько десятков человек. Все смотрели на море. Не поддаться очарованию этого вида было невозможно. В нежном свете раннего вечера небо окрасилось розовым. Солнце еще пригревало, и гибкие тела мальчиков, игравших в волейбол на пляже, приобрели четкие очертания. Не было ничего

удивительного, что Афродита, богиня любви, могла родиться именно на этом острове. Здесь влюблялись в саму жизнь.

Будто танцуя, супружеская чета Папакоста перемещалась по патио, интересуясь у гостей, как те провели день. Им рассказывали о замечательном купании, восхитительно прозрачной воде или увлекательной экскурсии в средневековый город. Это все супругам Папакоста говорили уже много раз, но они вежливо ахали в ответ, словно слышали впервые.

В углу зала молодой пианист-француз легко пробегал бледными пальцами по клавишам, плавно переходя от одной популярной джазовой мелодии к другой. Как и в других заведениях, звуки музыки терялись в гуле разговоров и позвякивании льда. Каждый вечер пианист перемещался из одного отеля в другой, задерживаясь в каждом на час. В пять утра он закрывал крышку «Стейнвея» в «Савойе», последнем из баров, где он выступал. Потом отсыпался весь день и в 18:15 вновь появлялся в «Парадиз-бич».

Саввас был ниже ростом и коренастее, чем большинство гостей из Северной Европы, но его костюм был скроен лучше, чем у кого-либо в зале. Наряды его жены тоже всегда были более модными и элегантными, чем у отдыхающих в отеле женщин. Как бы хорошо дамы из Лондона, Парижа или даже США ни были одеты, у них не было ее шика. Хотя Афродити и была на десять лет моложе Джекки О, она была приверженкой ее стиля. Афродити всегда нравилось, как одевалась знаменитая американка, в особенности после того, как та вышла замуж за Аристотеля Онассиса. Журналы пестрели фотографиями Жаклин. В течение нескольких лет Афродити внимательно следила за всем, что касалось ее кумира: с тех дней, как та обновила Белый дом и угощала высокопоставленных иностранцев коктейлями, и до недавнего времени, когда она переехала на острова совсем неподалеку от Кипра. Более всего в стиле Джекки ей импонировал безупречный крой и женственность.

Облик Афродити был безукоризнен, но неотразимой ее делали украшения. Большинство женщин покупали колье или браслет под платье, Афродити же заказывала наряды под украшения. Обычно драгоценности были в традиционном для Кипра стиле, но иногда и более современными. Когда люди встречали Афродити, им сразу приходило на ум сходство с Джеки Онассис, и иногда они задавались вопросом, чьи подарки были лучше: те, что дарил Аристотель своей жене, или те, что Саввас дарил своей.

Несколько официантов обносили гостей коктейлями. За барной стойкой стоял молодой человек в темном костюме – он отвечал за вечер. Маркос Георгиу начинал мойщиком посуды, но вскоре уже обслуживал гостей за столиками, а потом стал смешивать коктейли. Он был обворожителен с клиентами, честолюбив и вовремя угадал, что Саввас ищет человека на роль своей «правой руки». Не прошло и нескольких лет, как Георгиу стал незаменимым, верным помощником хозяина отеля.

Маркос был человеком, с которым одинокие мужчины пили виски по ночам: он запоминал их любимые марки и наливал, не спрашивая. Что еще важнее, он никогда не забывал имен клиенток и какие напитки те предпочитают. Подавая джин с тоником, он в качестве комплимента выжимал сок лимона, вместо того чтобы класть в бокал ломтик.

Белоснежная улыбка Маркоса одинаково покоряла и мужчин, и женщин, а перед обаянием искрящихся зеленых глаз не мог устоять никто.

Маркос всегда внимательно следил за выражением лица босса, и сейчас ему хватило незаметного кивка. Георгиу вышел из-за стойки, пробрался между гостями и шепнул что-то на ухо пианисту.

Молодой музыкант плавно закончил мелодию, палочка для перемешивания коктейлей громко звякнула о стекло, и гул голосов стих.

– Дамы и господа, – начал Саввас, встав на невысокий табурет, чтобы его было видно, – я рад сообщить, что завтра вечером состоится торжественное открытие нашего нового отеля «Восход». Для нас это начало новой эры и воплощение давней мечты – открыть отель в Фамагусте, который будет соперничать с лучшими подобными заведениями в мире.

Маркос вернулся за барную стойку. Он внимательно слушал босса, но не сводил глаз с Афродити, которая восхищенно смотрела на мужа и в нужный момент взяла его за руку. Раздались бурные аплодисменты, потом снова наступила тишина, и Саввас продолжил:

– Месторасположение нашего нового отеля не может сравниться ни с одним другим на этом курорте. Здание обращено строго на восток, и с первыми лучами восходящего солнца гости будут наслаждаться удобствами и развлечениями, не

доступными нигде на острове. Немалую роль в новом отеле будет играть наш ночной клуб «Клер де Лун». Мы будем рады видеть вас в это же время завтра в «Восходе». Вы сможете отведать коктейли и осмотреть новый отель. Автобус отбывает отсюда в восемнадцать двадцать и доставит вас обратно в двадцать тридцать, если только вы не захотите совершить десятиминутную прогулку по пляжу. Желаем вам приятного вечера и с нетерпением ждем встречи с вами завтра.

Савваса и Афродити окружили гости, выказывая интерес к новости. Элегантные хозяева, улыбаясь, отвечали на вопросы. Конечно, они рассчитывали, что некоторые из их постоянных гостей переберутся в новый отель. Единственное, о чем они умолчали, – это то, что не все из них смогут себе позволить подобное. Номер в «Восходе» в пик сезона будет доступен только для очень богатых.

Минут через десять Афродити знаком подозвала Маркоса. Жест был повелительный и лишенный женственности, но обижаться не приходилось: она была женой босса.

Георгиу поспешил к хозяйке, и Афродити покинула круг гостей. Они посмотрели друг другу прямо в глаза. Чтобы ее было лучше слышно, Афродити чуть наклонилась к нему. Он почувствовал аромат ее духов, смешанный со сладковатым запахом вермута в ее дыхании. Несмотря на бросающуюся в глаза дороговизну ее наряда, он счел это сочетание чрезмерным.

– Маркос, завтра люди захотят посмотреть ночной клуб, – сказала она. – Проверьте, чтобы все было готово к восемнадцати тридцати.

– Разумеется, кирия Папакоста, но, как вы знаете, клуб начнет работу только через день. – Он постарался, чтобы ответ прозвучал столь же безупречно вежливо.

– Мне это прекрасно известно, Маркос. Но мы должны начать его рекламировать и знакомить с ним людей. Даже если гости останутся в этом отеле, мы надеемся, что они будут приходить в «Восход», чтобы посетить клуб.

Афродити Папакоста повернулась к нему спиной и пошла прочь.

Они всегда держались друг с другом подчеркнуто вежливо и официально, что скрывало глубоко затаенное недоверие. Афродити ощущала угрозу, исходящую от этого человека, который, казалось, был повсюду, но постоянно держался в тени. Она со злорадством отметила мелкие прыщики у него на щеке, портящие его во всем остальном безупречное лицо.

Несмотря на то что Маркос Георгиу строго соблюдал субординацию, Афродити чувствовала, что он оттесняет ее. Они держались друг с другом настороженно, и Афродити постоянно ждала какого-нибудь проявления неуважения, на которое можно было бы пожаловаться Саввасу. У нее не было доказательств, что Маркос подрывает ее авторитет, но она постоянно их искала.

Афродити пришла в ярость, когда Маркос получил карт-бланш на оформление ночного клуба в «Восходе». Даже придумать название! Это была единственная область, где Афродити не имела права голоса, и это терзало ее. Она не понимала, почему муж дал этому человеку такую свободу, хотя лично контролировал в своем бизнесе любую мелочь. В особенности ей не нравилось название «Клер де Лун».

– Какая нелепость! – возмущалась она. – Это единственное место в отеле, откуда вообще не видно лунного света!

– Клуб начинает работать с восходом луны, агапи му. В этом дело.

Аргумент не убедил Афродити, и она решительно искала другой повод для критики.

– Большинство даже не поймут, что означает название. Оно французское. – (Разговор происходил вечером, когда они сидели в таверне на берегу моря.) – Почему не «Панселинос»? – спросила Афродити, подняв глаза к небу.

– Афродити, это значит «полная луна», что вовсе не одно и то же. – Саввас старался сохранять самообладание. – Маркос выбрал «Клер де Лун».

– Ах этот Маркос! – Она не скрывала своего раздражения, когда муж ставил Маркоса выше ее.

Савваса ничуть не волновало название клуба, но постоянная критика Маркоса Георгиу со стороны жены была утомительной. Ему хотелось угодить Афродити, но в то же время не обидеть того, от кого зависела бульшая часть планируемой прибыли отеля.

Помимо названия, супруге решительно не нравился интерьер.

– Он совершенно выбивается из общего стиля, – жаловалась она Саввасу. – Почему ты позволил ему это? Меня тошнит от этого темно-багрового цвета…

– Так было задумано, Афродити. Клуб должен иметь свою атмосферу.

Афродити не хотела мириться с тем, что этот небольшой уголок отеля не похож на наполненный светом и воздухом первый этаж. «Клер де Лун» предназначался для тех, кто предпочитал ночь дню, а виски воде. Это было царство ночных разговоров в сигарном дыму.

Афродити видела ночной клуб только днем. Интерьер и вправду выглядел мрачновато в свете ламп дневного света, но при приглушенном освещении помещение смотрелось намного привлекательнее. Абажуры с золотой бахромой, розовато-лиловый ворсистый ковер, низкие столики из оникса вокруг небольшой сцены. У стены – бар с впечатляющей коллекцией шотландского и ирландского виски. И хотя зал был рассчитан на сто пятьдесят человек, он выглядел уютным.

Афродити, определявшей эстетику всего отеля, не позволили повлиять даже на мельчайшую деталь интерьера ночного клуба. Саввас предоставил Маркосу карт-бланш и запретил жене во что-либо вмешиваться.

Во время суеты перед открытием отеля над входом повесили вывеску. Название появилось даже на стене бара в виде перламутровой инкрустации. Афродити проиграла сражение. Она знала, что бесполезно пытаться изменить то, что было уже fait accompli[7 - Свершившийся факт (фр.).], но тем не менее отнеслась к победе Маркоса с горечью и негодованием.

Маркос ликовал, что босс сдержал слово. Афродити могла думать что угодно, но он знал, что был не просто мажордомом Савваса. С каждым днем он все больше

превращался в правую руку Савваса Папакосты.

Георгиу надеялся, что, когда «Восход» откроется, жена босса не будет все время путаться под ногами. Он заметил, как по-хозяйски она вела себя с Саввасом. Впрочем, женщины часто ведут себя так, словно мужья – их собственность.

Маркос не раз удивлялся в душй, зачем жена босса вообще работает в отеле. Когда его матери было столько лет, сколько Афродити, у нее уже было трое детей и она выходила за калитку только тогда, когда отправлялась на деревенский рынок. Да и теперь она покидала свой дом в Фамагусте лишь раз в год, чтобы съездить в Никосию. Остальное время занималась домом или садом, варила шушуко (сладости из винограда и миндаля), делала сыр халлуми или вязала кружева. Маркос признавал, что времена изменились и что девушки, даже его сестра, теперь одевались, думали и даже разговаривали иначе. Несмотря на это, само присутствие Афродити на его рабочем месте беспокоило Георгиу, и он относился к ней с настороженностью и преувеличенной вежливостью.

Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что она не будет вмешиваться в работу ночного клуба. Это была его личная территория. Саввас Папакоста намеревался привлечь супербогатую публику, которая будет судить о клубе по своему опыту в Монако, Париже и даже в Лас-Вегасе. Он говорил Маркосу, что, если правильно подобрать номера и музыку, можно получить бульшую прибыль, чем от размещения и питания гостей, вместе взятых. С заведением не сможет сравниться по размаху ни одно подобное ему на Кипре. Оно будет работать шесть дней в неделю с одиннадцати вечера до четырех утра.

Маркос видел, как ровно в восемь вечера Саввас и Афродити Папакоста попрощались с гостями и удалились. Сам он уйдет не раньше чем через семь-восемь часов. Пианист будет продолжать играть, и Георгиу знал, что некоторые клиенты останутся наслаждаться атмосферой и разойдутся только далеко за полночь. Одни вернутся после ужина и будут сидеть в патио, отдавшись во власть нежного тепла ночи. Другие, по большей части мужчины, хотя попадались и одинокие женщины, усядутся на высоком табурете за барной стойкой и будут делиться с ним взглядами на бизнес, политику или чем-нибудь более личным. А ему предстоит мастерски поддерживать беседу и подлаживаться под настроение, которое будет меняться по мере убывания виски в бутылке.

Маркос всегда с готовностью принимал предложения выпить с ним «двойное без льда», чокался с улыбкой, поддерживал любой тост гостя и украдкой прятал напитки за барной стойкой. Довольные клиенты после попойки отправлялись в постель, а Георгиу переливал алкоголь назад в бутылку и подсчитывал выручку.

Возвращаясь домой, Маркос проехал мимо нового отеля. Было полтретьего ночи, но в холле «Восхода» все еще горел свет. Перед входом были припаркованы фургоны поставщиков, и люди продолжали работу.

Слева от главного входа уже повесили, но еще не зажгли огромную неоновую вывеску – «Клер де Лун». Маркос знал, что внутри все было готово – он уже проверял утром. Что бы там ни воображала Афродити Папакоста, изъянов она не найдет, а для группы гостей, которые удостоятся завтра экскурсии, он был уверен, ночной клуб станет главной достопримечательностью отеля.

Саввас Папакоста давал ему исключительный шанс. Похоже, мечты Маркоса сбывались.

Глава 3

Через десять минут Георгиу остановился у своего дома на улице Эльпиды. Как и большинство зданий в жилом микрорайоне современной Фамагусты, оно было в несколько этажей с балконами. На каждом этаже жило свое поколение.

Первый этаж занимали родители Маркоса, Василис и Ирини. В пустующую квартиру на втором вскоре собирался въехать младший брат Маркоса, Христос. На третьем этаже жила их сестра Мария с мужем Паникосом. Квартира Маркоса располагалась на последнем этаже. Если свеситься с балкона и посмотреть вправо, можно увидеть полоску моря и иногда почувствовать ветер. Крышей пользовались все. Здесь постоянно сушилось белье. Через час ряды рубашек, простыней и полотенец становились сухими, как бумага. Словно молодые побеги торчали из кровли поржавевшие металлические прутья – на случай, если потребуется пристроить еще один этаж для детей.

В такой час Маркос к родителям не заходил, но по утрам он любил посидеть в их маленьком садике минут десять, прежде чем снова отправиться на работу. К десяти отец обычно уже уезжал на свой небольшой земельный участок. Мать варила сыну сладкий кофе по-гречески, который он так любил, и, сделав передышку в трудах, присаживалась с ним поболтать.

Когда Василис и Ирини Георгиу построили дом в городе, то воспроизвели в нем в миниатюре все, что было им дорого в их сельском быте. Виноград, обвивавший шпалеры, и дававший тень, пять тесно посаженных апельсиновых деревьев и с дюжину садовых горшков, в которых мать выращивала столько помидоров, что им было не съесть. Даже герань выросла из черенков, привезенных из деревни. В кипосе[8 - Сад (греч.).] был огороженный сеткой уголок, где ковырялись в земле две курицы.

Но самым главным для Ирини Георгиу в ее саду была клетка, висевшая слева от входа. В ней жила канарейка Мимикос. Ее пение приносило Ирини радость.

В три часа ночи все стихло. Слышны были только цикады.

Маркос нашел ключ, открыл дверь и вошел в холл. Поднявшись на второй этаж, он прислушался: в пустовавшей квартире раздавались голоса. Там была сделана только черновая отделка, и звуки отражались от бетонных стен и пола.

Маркос различил голос Христоса и, приложив ухо к двери, стал слушать. Брат разговаривал на повышенных тонах, что было для него нехарактерно, но голоса других мужчин звучали еще сердитее. Он узнал голос механика из гаража, где работал Христос. Хараламбос Ламбракис оказывал на брата огромное влияние.

Христос и Маркос всегда были близки и любили друг друга. Между ними было десять лет разницы, и они играли вместе с самого рождения Христоса. Едва тот научился ходить, как стал всюду следовать за старшим братом, подражая ему во всем. Маркос был для него кумиром.

К восемнадцати годам взгляды Христоса стали куда более радикальными, чем у Маркоса в его возрасте. Только накануне они жарко спорили по поводу энозиса Кипра и Греции. Юношей Маркос свято верил, что объединение должно состояться. Он был членом ЭОКА и поддерживал ее во время борьбы за освобождение острова от правления Великобритании. Но поскольку с момента

обретения независимости уже прошло десять лет, старший из братьев Георгиу давно отказался от радикальных идей.

После военного переворота в Афинах пять лет назад большинство греков-киприотов ценили свою независимость от материковой Греции больше, чем когда-либо, и больше не хотели объединения. Теперь конфликт назревал между такими греками-киприотами, как Христос, которые по-прежнему призывали к энозису, и теми, кто этого не хотел. Противостояние все больше обострялось.

– Отчего ты стал таким трусом? – возмущался Христос.

– Дело не в трусости, – отвечал Маркос, не отрываясь от дела.

Было около десяти утра, и он брился, методично снимая станком густую белую пену со щек и наблюдая, как постепенно появляется его лицо. Полностью сосредоточившись на этом занятии, Маркос смотрел на свое отражение в зеркале, не обращая внимания на стоящего на пороге ванной брата.

Христос пришел, чтобы переубедить его. Он не терял надежды.

– Раньше у тебя были убеждения! Была вера! Что с тобой случилось?

– Да ничего со мной не случилось. – Маркос улыбнулся брату. – Возможно, я просто теперь больше знаю.

– И что это значит? Что ты знаешь? – Спокойствие Маркоса выводило Христоса из себя. – Этот остров греческий, он был таким и будет. Он должен быть частью родины! Ради всего святого, Маркос, ты ведь когда-то верил, что надо бороться за энозис!

– Как наш дядя, – спокойно заметил Маркос. – И наш отец.

– Значит, мы сдались? Потому что умерли такие люди, как дядюшка Кириакос?

Брат их матери был казнен британскими властями во время самой кровавой битвы за независимость. Его имя редко упоминалось в семье, но черно-белая фотография на столике в гостиной их родителей служила каждодневным

напоминанием.

В наступившей напряженной тишине Маркос продолжал бриться. Что еще он мог сказать о трагической судьбе их дяди, помимо того, что уже было сказано? Горе, которое обрушилось на их дом, не забудется никогда. Оно оставило рубцы на сердце. Христосу тогда было семь, и он был свидетелем стенаний и нескрываемых страданий их тети и матери.

Маркос ненавидел дядю, и глупо было делать вид, что это не так. Когда он был маленьким и мешкал, волоча тяжелую корзину с собранными фруктами, Кириакос награждал его подзатыльником. А если ловил племянника на том, что тот ел апельсин во время сбора урожая, то заставлял съесть еще четыре, один за другим, прямо с кожурой, чтобы показать, что жадность наказуема. Он был жесток, и не только по отношению к племяннику. Маркос всегда был наблюдательным и подозревал, что дядя бил и свою жену тоже. Когда он впервые случайно увидел, как мама прикладывает холодный компресс к щеке тети Мирто, ему ничего не объяснили. Тогда Маркос спросил, в чем дело, но ему сказали, что он еще маленький, чтобы понять. Но подобные вещи случались так часто, что он увидел в этом закономерность. Маркос задавался вопросом: уж не наказал ли Господь Кириакоса, не дав ему детей? Если это так, то Господь наказал и Мирто тоже.

Видя, как овдовевшая тетушка горюет, причитает и плачет по несколько часов кряду, как ее жалеют и утешают все члены семьи, Маркос гадал, так ли уж она искренна. Как она могла оплакивать мужа, который так с ней обращался! Он смотрел, как мать успокаивала тетю, и вспоминал, сколько раз видел, как ее рука обнимала те же плечи после побоев.

В тот же год, уже после смерти дяди Кириакоса, их отец был тяжело ранен и находился на грани смерти. Даже сейчас Маркос отчетливо помнит заполонивший весь дом запах грязи и крови, когда отца принесли. Василис Георгиу поправился, но грудь и спина были покалечены, а верхнюю часть туловища покрывали шрамы. Больше всего пострадала левая нога, она почти не сгибалась. Даже с тростью он ходил, переваливаясь с боку на бок. С тех пор Василиса постоянно мучили боли, от которых не помогало ни одно лекарство. Только зивания[9 - Виноградная водка (греч.).] немного притупляла страдание.

– Посмотри на отца, Христос! Он стал инвалидом. Кто от этого выиграл?

Ни один из них понятия не имел, чем именно занимался их отец в пятидесятых годах. Знали лишь, что он был активным членом ЭОКА. Василис Георгиу был награжден генералом Гривасом, лидером восстания против британского господства, до того как тот был отправлен в ссылку. Маркос знал, что год назад Гривас тайно вернулся и из подполья руководил новой кампанией за энозис. Он собрал бойцов нового поколения, таких как Христос, которые с готовностью вступили в его новую организацию ЭОКА-Б.

– Единственное, чего я не понимаю, так это почему ты остановился! Это же миссия, бог мой! Ее не бросают просто так. Ей верны, пока не достигнута победа!

Христос обожал риторику энозиса. Ему нравилось произносить речи, даже если их слушал только его брат.

Маркос вздохнул. В юности он тоже играл в борца за энозис и даже давал клятву: «Я не брошу борьбу, пока наша цель не будет достигнута». Но теперь цели движения не совпадали с его собственными.

– Скажем так, Христос, у меня изменились интересы. И Кипр изменился. Он стал островом возможностей. Что мы выгадаем, если станем частью Греции?

– О чем ты говоришь?! Какой еще остров возможностей?

– Ты не заметил?

– Не заметил чего?

– Как растет этот город?

Христоса раздражал добродушный тон брата.

– Это все из-за денег, что завелись у тебя в кармане? Так, что ли?

– Не только, Христос. Задай себе вопрос: ты хочешь, чтобы твоим драгоценным островом управляла диктатура? Из Афин?

Брат молчал.

– Гамото![10 - Дерьмо (греч.).] Черт! – Маркос порезался, из ранки засочилась кровь. – Христос, дай мне носовой платок.

Он прижимал платок к порезу, пока кровотечение не остановилось. Ему было неприятно, что на щеке может остаться след от пореза.

– Посмотри на себя, хнычешь, как ребенок, – насмешливо бросил Христос.

Он не оставлял попыток склонить Маркоса на свою сторону, но чем напористее и патетичнее становился Христос, тем спокойнее был Маркос. Он по-прежнему добродушно посмотрел на младшего брата и лишь покачал головой.

Христос сжимал и разжимал кулаки. Он готов был расплакаться.

– Как получилось, что ты так изменился? – спросил он умоляющим голосом. – Я ничего не понимаю…

Маркосу не казалось, что он изменился. По крайней мере, внутренне. Это мир вокруг изменился. Появившиеся новые возможности требовали, чтобы ими воспользовались.

– Христос… – начал было он, но брат его перебил:

– Ты стал как наши родители…

Маркос был не в силах остановить его тираду.

– …довольствуешься спокойной жизнью!

– Разве это плохо в их возрасте? – попытался он защитить родителей.

– Отец был когда-то борцом!

– Когда-то, Христос. Эти времена прошли. Если собираешься участвовать в борьбе, держи все в тайне. Чтобы никто не знал.

Маркос думал лишь о родителях, которых он хотел оградить от волнений. Полиция постоянно выискивала тех, кого подозревала в членстве в ЭОКА-Б.

Он продолжил подъем по бетонным ступеням, и голоса стихли. Несмотря на открытые окна, политические споры и цикады не помешают Маркосу заснуть. После долгого дня и ночной смены он будет спать крепко, но недолго.

Наутро он проснулся, как обычно, в девять. Приняв душ и побрившись (на этот раз он был осторожнее), Маркос спустился вниз, чтобы провести полчаса с матерью перед тем, как отправиться на работу.

Когда он вышел в сад, Ирини Георгиу стояла у клетки с канарейкой и разговаривала со своей любимицей. На голове матери коричневый шифоновый платок, отделанный кружевом, в котором она будет ходить весь день. Под фартуком с набивкой из роз блузка в цветочек – совершенно несочетающиеся между собой вещи. Все в жизни Ирини было насыщено: от распорядка дня, наполненного нескончаемыми мелкими делами с утра до позднего вечера, до убранства жилища, в котором они обитали. Их дом в деревне был больше, чем квартира, но они перевезли в нее всю мебель и все до одной безделушки. Это делало их квартиру похожей на музей мелочей. Каждая тарелочка, вазочка с искусственными цветами, кружевная салфеточка, открытка, присланная другом, эстамп в рамочке нашли свое место. На самом почетном красовалась икона святого Неофитоса. В окружении памятных вещей Ирини чувствовала себя в безопасности, словно в коконе.

Среди выставленных в квартире фотографий был портрет генерала Гриваса, соседствующий с изображением президента Макариоса, свадебная фотография четы Георгиу и фотографии Маркоса, Марии и Христоса в младенческом возрасте. Обожание Макариоса у Ирини только возросло, когда тот перестал поддерживать идею энозиса. Иногда фотография Гриваса оказывалась повернутой к стене. Ирини объясняла, что это было простительной ошибкой, которую она допустила, вытирая пыль. Она надеялась, что муж не участвовал в покушениях, которые тогда совершались, но так и не набралась смелости спросить.

Ей было прекрасно известно, что генерал Гривас вернулся из ссылки. Однако ни она, ни муж не знали, что Христос вступил в ряды ЭОКА-Б.

– Пришел выпить свой кофе? – улыбнулась она Маркосу.

Ирини Георгиу обожала своего первенца, а он, в свою очередь, был всегда внимательным и любящим сыном.

– Мама, у тебя сегодня усталый вид…

Это была правда: под глазами у нее залегли темно-лиловые тени. Ирини Георгиу плохо спала ночью. Уже несколько дней по утрам она чувствовала себя еще более усталой, чем вечером перед сном. Ее мучили кошмары. Несмотря на то что они были нелогичны, а зачастую и вовсе ужасны, Ирини полагала, что сны вещие. Что бы ни утверждали люди, какие бы слова ни говорили, она верила, что о положении дел на острове говорит общая атмосфера. Это скорее нечто, что витает в воздухе, чем реальная политическая ситуация. И сейчас сны говорили ей, что мир находится под угрозой.

Когда борьба против англичан закончилась и была создана Республика Кипр, для семьи Георгиу наступил долгожданный мир и покой. Это было идиллическое время, когда они работали на земле, наслаждались размеренной деревенской жизнью, где тишину нарушало лишь пение птиц. Времена года сменяли друг друга, за жарой следовала прохлада, люди возделывали землю и ждали дождя. Места хватало всем, а между ними и их соседями турками-киприотами установились теплые отношения. Единственная трудность, с которой им приходилось справляться, – это боли Василиса Георгиу и тот факт, что он мог работать всего несколько часов в день.

Мир оказался недолгим, а покой был уничтожен, так же как и их соседи-турки. Нападение совершили греки-киприоты, невзирая на то что говорил, делал и согласовывал с другими политиками их руководитель Макариос. Убиты были их ближайшие соседи, и это нарушило душевный покой Ирини. Если раньше ее сон был наполнен сновидениями, теперь ее стали мучить кошмары. Они переехали из деревни в город. Василис каждый день ездил в деревню на маленьком пикапе, чтобы работать в саду, Ирини не покидала Фамагусту.

Маркос проследовал за матерью в забитый мебелью дом. От расставленных на тканых цветастых половиках разноцветных кресел у него зарябило в глазах. Маркос понимал, почему отец проводит столько времени вне дома. Они сохранили за собой небольшой участок земли, и его нужно было обрабатывать, но отец также засиживался в кафенионе, где встречался с друзьями и играл в тавли[11 - Греческие нарды (греч.).]. Там не было такой пестроты и захламленности.

Квартира Маркоса не была загромождена. У него было мало вещей, все самое необходимое. Безделушки, которые давали его матери чувство защищенности, приводили Маркоса в ужас. Он не согласился даже на скатерть в цветочек, которую она хотела постелить на стол, чтобы немного украсить комнату.

– Такая выдалась беспокойная ночь, левенти му[12 - Мой богатырь (греч.).], – пожаловалась Ирини, ставя на стол маленькие чашечки.

Мать часто рассказывала Маркосу свои сны. Василис, который спал как убитый, подобными вещами не интересовался. Он уехал в деревню час назад.

– И еще вчера ночью вроде кто-то громко спорил, – прибавила она. – Не знаю, левенти му, что там происходило, но ничего хорошего, это точно.

Маркос не хотел говорить, что ей не показалось и что она слышала перепалку Христоса с друзьями. Он не хотел расстраивать мать. Если разговор заходил об энозисе, Ирини сразу меняла тему. Она не желала, чтобы сыновья имели дело с политикой или террористическими актами. Эта борьба чуть не разорвала остров на части в те жуткие времена, и, как ей казалось, такой раскол еще может случиться. Проблемы остались нерешенными.

Маркос погладил мать по руке, лежащей на столе. Кожа была тонкая как бумага, на костяшках пальцев царапина.

– Мама, ты поранила руку?

– Оцарапала, когда подрезала виноград, – ответила она. – Ничего серьезного. В моем возрасте раны заживают медленно.

Он посмотрел на свои гладкие руки. У отца руки тоже были загрубевшими, шершавыми. Маркосу не хотелось бы иметь такие.

Когда он в последний раз стригся у парикмахера (хотя этим летом решил отпустить свои шелковистые волосы чуть длиннее, чем обычно), то сделал еще и маникюр. Ему привели в порядок кутикулу и отполировали ногти. Под ногтями была идеальная чистота. Каждый день он втирал в ногти оливковое масло, и они были гладкими, как у ребенка. Для Маркоса ухоженные руки свидетельствовали о его успехе. Они показывали, что он не держал в руках ничего тяжелее авторучки.

– Це! Це! Це!

Мать кормила Мимикос.

– Це! Це! Це! Как поживают цветы, что я тебе дала? – спросила она, разговаривая одновременно с канарейкой и с сыном. – Не забываешь поливать?

Он улыбнулся:

– Мама, да ты сама знаешь, что забываю. Прости. Был занят…

– Ты так много работаешь, левенти му, так много работаешь… Нет времени даже на девушек?

– Ох, мама…

Это была их постоянная шутка. Ирини не теряла надежды. Все матери любят своих сыновей, но красавца Маркоса просто нельзя было не обожать. Она погладила его по щеке, как делала еще с тех пор, когда он был младенцем, потом позволила взять свою руку и поцеловать.

– Жду, пока не встретится такая же красавица, как ты, – пошутил он.

– Хорошо, дорогой, но не затягивай слишком долго.

Как всякой матери, ей не терпелось увидеть его семейным человеком. Дочь уже два года как замужем, и Ирини была бы счастлива, если бы старший сын нашел жену. Все должно идти естественным порядком, ведь ему уже исполнилось двадцать восемь.

Она гордилась тем, что сын работает в самом шикарном отеле в городе. Это служило Ирини утешением при переезде из деревни в Фамагусту. Она всегда знала, что Маркос не станет довольствоваться неспешной, однообразной жизнью, на которую обрекает человека выращивание апельсинов. Пусть он не получал отличных отметок в школе, но был сообразительным, и она не сомневалась, что сына ждет блестящее будущее.

Маркос встал, собираясь уходить.

– Какой ты красавец! – Ирини с восхищением погладила лацканы его пиджака. – И как тебе идет этот костюм! Ты похож на настоящего бизнесмена.

– Сегодня торжественное открытие. – Он взял ее руку в свои. – Папакосты устраивают прием, ожидается нашествие важных персон.

– Надо же! – Мать сияла от гордости, что сын будет присутствовать на таком приеме. – Кто там будет? Расскажи.

Ирини жила карьерой сына. Она ни разу не была в «Парадиз-бич» и тем более вряд ли побывает в «Восходе», но всегда хотела знать, что происходит в этих больших отелях. Ирини Георгиу непременно купит свежий номер местной газеты и вырежет фотографии с приема, которые наверняка поместят на первой странице.

– Мэр с женой, – начал невозмутимо перечислять Маркос. – Куча политиков из Никосии, бизнесмены, друзья отца миссис Папакосты, даже зарубежные гости…

– И ночной клуб откроют? – спросила она.

– Не сегодня, – ответил Маркос. – Завтра.

Он посмотрел на часы.

– Я полью твои цветы, – сказала Ирини. – И рубашки твои накрахмалю. Они будут в твоем шкафу.

Она уже принялась за домашние дела: собирала чашки, вытирала стол, обрывала отцветшие цветки герани, заглядывала в клетку к канарейке, проверяя, достаточно ли у нее корма. А вскоре примется готовить обед. Все члены семьи обожали ее стряпню, в особенности Паникос, который заметно прибавил в весе после свадьбы. Мария будет ей помогать, а зять приедет домой на обед из своего магазина электротоваров в двенадцать.

– Мне пора. – Маркос поцеловал мать в макушку. – Обещаю все тебе рассказать, когда вернусь.

Теперь до заката солнца нельзя терять ни минуты. Когда наступят сумерки, самое крупное общественное событие года на острове будет в самом разгаре.

Глава 4

Отель «Восход» наполнился ароматом сотен лилий и духов шикарных женщин. Платья были всех оттенков драгоценных камней, а украшения переливались цветами радуги.

Гостей встречали у входа и направляли по малиновому ковру к фонтану с резвящимися дельфинами. Здесь им подавали ледяное шампанское и предлагали полюбоваться фресками.

Колонны из гипса были увиты цветами. С наступлением темноты их эффектно подсветят.

Дюжина официантов в белых пиджаках разносила закуски. Шеф-повар и двадцать пять поваров и их помощников трудились на кухне с рассвета. Результатом их трудов стала батарея красочных канапе, на которую не пожалели желатина, декоративной отделки и слоеного теста. Кухонные кудесники работали как роботы, механически отрезая и украшая, чтобы каждый кусочек выглядел аппетитно и аккуратно и не напоминал ничего из

традиционной кипрской кухни. Там были волованы, маленькие кусочки фуа-гра и креветок, которые следовало брать, накалывая на коктейльную палочку. Шеф-повар был французом и вдохновлялся идеями Эскофье[13 - Жорж Огюст Эскофье (1846–1935) – французский ресторатор, критик, кулинарный писатель, популяризатор традиционной французской кухни.]. Он велел, чтобы все закуски были декорированы как десерт. Если нельзя было положить сверху вишенку, в качестве завершающего штриха использовали икринки или крошечные кусочки помидора.

Несколько сотен гостей говорили одновременно, и шум голосов заглушал звуки оркестра. И все же двенадцать музыкантов продолжали играть: они знали, что позже, когда публика начнет расходиться, оставшиеся по достоинству оценят их тщательно подготовленный репертуар. Оркестр прилетел накануне из Парижа – для этого знаменательного события многое было заказано издалека. Саввас Папакоста хотел всячески подчеркнуть международный уровень отеля, и звуки бузуки испортили бы все дело одной нотой. Это был поистине изысканный прием.

Все гости естественным образом оказывались на открытой террасе, в центре которой была подвешена конструкция из белых цветов, представлявшая собой название отеля. Перед ней ждали хозяева, чтобы приветствовать гостей.

Афродити, в длинном платье цвета слоновой кости, вся сверкала. Ее руки обвивали браслеты из белого золота в виде змей. У одной из них глаза были из рубинов, у другой – из сапфиров. Некоторые гости считали, что она похожа на русалку, другие находили сходство с Клеопатрой. Все женщины с завистью рассматривали Афродити, стараясь не упустить ни одной детали: бриллианты в ушах, изысканное струящееся платье, которое переливалось при каждом движении, золотые сандалии, эффектная высокая прическа. Эмин постаралась и уложила волосы идеально. Дамы гадали, сколько шпилек и заколок ушло на этот парикмахерский шедевр. Несмотря на тайное восхищение, они делились с мужьями короткими язвительными замечаниями.

– И что она о себе возомнила? Все слишком утрированно!

Мужчины не вдавались в детали и оценивали общий облик. Они видели безупречную красавицу, но предпочитали не спорить с женами.

Рядом с Афродити стоял Саввас, выжидая удобного момента для речей. Он изучал гостей, пытаясь угадать их реакцию. Больше всего Папакоста хотел, чтобы их впечатлило качество увиденного. Он трудился не покладая рук несколько лет, чтобы создать то, что они могут осмотреть всего за час, и теперь видел, что они поражены. Наконец он немного расслабился.

Когда речи закончились – после Савваса выступили мэр и член парламента, – рекой полились поздравления и шампанское. Когда Папакоста почувствовал, что все насладились общим впечатлением, политиков, местных воротил и потенциальных постояльцев повели на экскурсию. Им показали бальный зал, столовые и, подняв в лифте с зеркалами, пентхаус. Поясняли каждую мелочь: откуда мраморные плитки, даже плотность ткани постельного белья.

Костас Франгос, управляющий отелем, и два его заместителя убедили гостей, что уровень качества всего в «Восходе» относится к совершенно новой для острова категории. Оспаривать это было невозможно. Переполненные фактами и цифрами, гости поспешили обратно, чтобы вновь наполнить бокалы. У них сложилось впечатление, будто Фамагуста стала богаче прямо у них на глазах, и каждый из них видел в этом свою личную выгоду.

Жены владельцев соседних отелей выискивали недостатки. Сперва они критиковали еду:

– Есть очень неудобно! Все такое вычурное! Такое замороченное…

Потом переключились на декор.

– Эти полы! А дельфины… – прошептала одна.

– Думаешь, гостям в самом деле понравится вся эта окантовка… и эти шторы? А зачем они покрыли бассейн такой плиткой? – вполголоса отозвалась другая, но супруги Папакоста все равно услышали.

Мужья были неестественно молчаливы, понимая, что теперь им придется обновлять свои отели. Если по поводу стиля, в котором был оформлен «Восход», еще могли возникать вопросы, то факт, что новый отель превосходил все остальные, был неопровержим. Дело было не в стиле. «Восход» был больше и шикарнее, и, судя по одним только канапе, даже кухня заставит другие отели

выглядеть на его фоне жалкими.

Министр тем временем не скупился на похвалу:

– Кириос Папакоста, позвольте поздравить вас с достижением! – Он говорил так, словно выражал не только свое мнение, но и мнение других. – Я полагаю, «Восход» поднимет статус всего острова.

Он пожал Саввасу руку, и вокруг замелькали вспышки фотоаппаратов. Афродити Папакоста, стоящей рядом с мужем, стало жарко от вспышек, и на мгновение яркий свет ее ослепил. Фотографы уже знали, что на первой полосе завтрашней газеты будет ее портрет. Редактор с радостью переместит фотографию тучного политика на вторую или на третью. Заголовок на первой полосе будет гласить: «Солнце восходит над Фамагустой».

Как и остальные в комнате, Маркос тоже смотрел на Афродити. Его раздражало, что она была в центре внимания, хотя хозяином, человеком, который построил этот отель, был Саввас Папакоста. Георгиу видел, что его босс терялся рядом с женой.

Во время приема Маркос постоянно двигался, стараясь держаться подальше от четы Папакоста. Единственное задание, которое он получил от Савваса на этот вечер, было рекламировать ночной клуб.

Годы, проведенные за стойкой бара, позволяли ему определить будущих клиентов его заведения. Это были те, кто не уходил раньше всех, много курил, отставлял бокал с шампанским и просил чего-нибудь покрепче, с трудом поддерживал разговор и осматривался вокруг, скучая или выражая беспокойство. Это не был безошибочный тест, но с этого можно было начать. Маркос подходил к таким людям, представлялся и по их реакции моментально определял, ошибся он или нет. Некоторые сразу возвращались к жизни, их лица оживлялись. Более того, они охотно принимали приглашение осмотреть клуб.

Он уводил потенциальных клиентов из зала, они спускались по внутренней лестнице и оказывались у неприметной запертой двери. Маркос с победным видом открывал дверь, и они попадали в его царство.

Совершая путешествие в подземный ночной мир, люди чувствовали себя избранными, попавшими в недоступное другим место. Если бы он повел их через главный вход, такого ощущения не возникло бы. Маркос делал все, чтобы у каждого из этих людей осталось впечатление, будто он был единственным, удостоившимся подобной экскурсии.

Через несколько минут после его рассказа об артистах кабаре, с которыми подписан контракт, и упоминания некоторых винтажных марок виски гости принимали предложение о бесплатном членстве в клубе. Маркос был не вполне уверен, что они придут на открытие.

Он приводил гостей назад, где прием был в разгаре. Иногда мужчины возвращались к своим женам, и те были рады, что мужья выглядели довольными. Маркосу казалось, что женщинам легко угодить.

Вернувшись с очередной экскурсии, Маркос взглянул на террасу. Уже стемнело, и небо было усыпано звездами, которые казались еще ярче, поскольку луна не светила. Он вышел на террасу и осмотрелся. Гости начали расходиться.

Маркос заметил, что Афродити покинула свой пост под вывеской из цветов и теперь сидела за столиком с пожилой парой. Обернувшись, она взглянула на него, потом вернулась к разговору с седовласой женщиной. Маркос удалился в помещение, где работал кондиционер. Ему отчего-то стало обидно, что он не удостоился ни улыбки, ни приветственного взмаха руки. Несмотря на вечернюю прохладу, его бросило в жар.

Афродити беседовала с родителями. Мать была в черном. После того как убили ее единственного сына, Артемис не носила одежду другого цвета. В этот торжественный летний вечер ее траурный наряд выглядел особенно тяжелым и мрачным, отчего она казалась старше своих лет. Отец Афродити был в темно-сером костюме и голубой рубашке. Трифонас был красивым мужчиной, тоже седым, как и жена, но полным сил. Он радовался возвращению на родину и тому, что грандиозный проект наконец воплотился в жизнь. «Восход» был первой инвестицией «Маркидес холдинг» в отельный бизнес, и Трифонас уже понимал, что это было самым разумным из всех его решений.

Маркидес управлял строительным бизнесом дистанционно. У него была компания в Никосии, которая занималась повседневными делами, связанными с

каждой из инвестиций. Каждый день он проводил по полчаса на телефоне, сидя в своем кабинете в доме в Саутгейте. Деньги позволили Маркидесам устроиться более чем комфортно. Живя на холодном юге Англии, они почти круглый год включали центральное отопление, создавая внутри дома кипрский климат. У них был «ягуар», ворсистые ковры и, как Артемис ее называла, помощница по дому. Трифонас играл в гольф почти каждый день, а по воскресеньям они ездили в греческую православную церковь. Супруги делали взносы в фонд поддержки греков-киприотов, которые перебрались в Англию и нуждались в материальной помощи. Время от времени Маркидесы посещали один из больших киприотских ресторанов в округе, чтобы отметить свадьбу детей кого-нибудь из друзей по церкви. У Трифонаса были приятели в гольф-клубе, но Артемис по большей части держалась особняком. Жизнь для нее остановилась в 1964 году, и состояние душевного паралича стало для нее нормой. Никакие деньги ни на Кипре, ни в Англии не могли вернуть Димитриса Маркидеса.

Афродити знала, что отец ею доволен, но ей было нужно и одобрение матери.

– Что ты об этом думаешь? – спросила она.

– Очень красиво, милая. Превосходная работа. – Артемис выдавила улыбку.

– Вы должны пожить здесь! – предложила Афродити.

У родителей была собственная квартира в доме, который Афродити и Саввас получили в качестве свадебного подарка. Они останавливались в ней во время редких визитов на Кипр. Никосийской квартирой родители практически не пользовались.

– Мы не можем, дорогая.

Афродити знала наперед, что мать откажется. Отель был для нее чересчур публичным местом.

К ним подошел официант с напитками.

– Здравствуй, Хасан.

– Добрый вечер, мадам.

– Все прошло хорошо, как думаешь?

– Гости остались под большим впечатлением, – улыбнулся официант.

Взяв с подноса три бокала с шампанским, Афродити подала один матери.

– Спасибо, милая. Я бы выпила что-нибудь безалкогольное, если не возражаешь.

– Даже сегодня, мама? В такой день?

Хотя в последнее время они виделись редко, но мать по-прежнему раздражала ее. Почему она хоть раз не могла изменить своим правилам ради дочери в такой важный для той день?

Даже на свадьбе дочери Артемис Маркидес сидела в стороне. Смерть Димитриса была трагедией для них всех, но Афродити страстно желала, чтобы она не омрачала и сегодняшнее событие тоже.

Афродити заметила, как мать избегает смотреть на официанта. Предубеждение Артемис относительно турок-киприотов расстраивало дочь, но она предпочитала не затрагивать эту тему. Афродити разделяла точку зрения мужа: отель должен нанимать людей, которые лучше других выполняют свою работу, вне зависимости от их национальности.

– Это тоже отличает «Восход» от других заведений, – объяснял Саввас теще, когда та задала вопрос на эту тему днем. – Чтобы сделать отель по-настоящему интернациональным, у нас должны работать люди разных национальностей. Шеф-повар – француз, два администратора – из Англии, менеджер по банкетам – из Швейцарии. В салоне красоты работает турчанка… И среди работников кухни, конечно, тоже много турок.

– Но официанты?! – прервала его Артемис. – Это же лицо заведения!

– Мне не хотелось бы спорить с вами, но нам нужны лучшие из лучших, – отвечал Саввас. – И естественно, люди, которые будут работать за те деньги, которые мы

можем предложить. Это ведь бизнес.

Папакоста смотрел на мир сквозь призму прибылей и убытков.

Афродити поднялась из-за стола:

– Мне надо посмотреть, вдруг я нужна Саввасу.

Извинившись, она ушла.

Ее взаимоотношениям с родителями мешало то, что от матери скрывали правду. Артемис Маркидес оберегали от нелицеприятных неопровержимых фактов, и в такие минуты, как эта, Афродити хотелось бросить ей в лицо: «Мама, он убил человека. Твой драгоценный сынок убил турка-киприота!»

Все десять лет эти слова были готовы сорваться с ее губ, но Афродити сдерживалась.

Для человека с деньгами и положением Трифонаса Маркидеса создать дымовую завесу было нетрудно. Заплатить кому-то, чтобы подменить факты, было бы слишком примитивно. Маркидес не мог допустить и намека на то, что его сын был убит в отместку за убийство другого человека. Это оставило бы несмываемое пятно на репутации семьи.

Афродити знала, что ее брат не был невинным. Димитрис принимал активнейшее участие в бессмысленном противостоянии греков и турок, переросшем во взаимную ненависть после ухода англичан. Обе стороны не были удовлетворены Конституцией республики, принятой в 1960 году, но, когда Макариос предложил принять поправки, началось кровопролитие. Если проливалась кровь турка, это означало, что должна была пролиться кровь грека, и этому не было конца. Вражда поселилась глубоко в сердцах некоторых и грозила разрушить все. Она лишила Афродити единственного брата, опустошила душу матери, разорвала на части жизнь ее отца, и если события будут развиваться так, как в предыдущее десятилетие, судьбы всех жителей острова будут сломаны, не важно, греки они или турки. Конфликт, в котором ни одна сторона победить не может, казался ей бессмысленным.

Афродити постояла с минуту, глядя на море. Это она предложила, чтобы отель спроектировали так, чтобы терраса выходила прямо на пляж. Так гости могут слышать шелест волн и гулять босиком по песку. В такую ночь, когда морская гладь не шелохнется и в чистом небе ярко сияют звезды, они смогут наблюдать самую загадочную картину – звездопад.

Через пять минут, пока Афродити стояла под звездным куполом, весь ее гнев улетучился. После мучительного общения с матерью она зачастую чувствовала прилив сил. Артемис Маркидес была как пустая ракушка, полностью лишенная каких-либо эмоций. Из-за этого Афродити еще больше ценила любовь отца, которая осталась неизменной. С тех пор как родители переехали в Англию, ей очень не хватало его.

Когда Афродити обернулась, ее родителей уже не было. Даже их бокалы унесли. Она знала, что отец повез жену в их квартиру. Та терпеть не могла засиживаться допоздна. На следующее утро они улетали обратно в Лондон.

Маркос стоял в тени. Несмотря на внешнее спокойствие, в этот тихий вечер под звездным небом он испытывал тревогу. Он знал, что Христос уехал в Никосию на встречу со своими друзьями-революционерами.

Вдруг что-то привлекло его внимание. На фоне иссиня-черного неба выделялся светлый полупрозрачный женский силуэт. Это была Афродити, неподвижная и одинокая. В душе Маркоса боролись два чувства: беспокойство за Христоса и восхищение Афродити, похожей на выросшую из песка чудесную мраморную статую. И то и другое рождало в его душе необъяснимое предчувствие беды.

Глава 5

Последние гости разошлись в полночь. До прибытия первых постояльцев с чемоданами оставалось менее двенадцати часов.

Когда Саввас приехал в «Восход» на следующее утро, десятки людей уже убирали мусор, подметали полы, вытирали пыль, чтобы все выглядело так же безупречно, как раньше. Мебель нужно было расставить по местам, с

мраморного пола удалить следы от пролитого вина. По количеству мусора можно было судить об успехе приема.

– Доброе утро, кириос Папакоста.

– Доброе утро, кириос Папакоста…

Пока Саввас шел от парковки до стойки администратора, он слышал эти слова не меньше десяти раз.

Работники отлично понимали, какого уровня исполнения обязанностей от них ожидали в новом отеле. Если поверхность была блестящей, она должна быть отполирована так, чтобы в нее можно было смотреться как в зеркало. Салфетки должны быть белоснежными, а окна такими чистыми, чтобы не было видно стекол. Начальник хозяйственной службы был беспощаден: горничным сообщили, что, если постели не будут заправлены как следует, их уволят.

– Кто наши первые гости, Костас? – спросил Саввас управляющего отелем.

– Две пары из Женевы, кириос Папакоста. Они приезжают вместе. Двадцать шесть американцев. Группа из Германии. Тридцать человек из Швеции. Шесть пар из Англии. Несколько французов и итальянцев, остальные, насколько знаю, из Афин.

– Хорошее начало. И по количеству как раз то, что надо в данный момент.

– Да, и фрау Брухмайер, конечно, – добавил Костас Франгос. – Мы пошлем за ней машину в «Парадиз-бич» чуть позже.

Фрау Брухмайер приехала на Кипр на каникулы в прошлом году и уже больше не уезжала. В ноябре ее навестила племянница из Берлина, которая привезла теплые вещи (пару кашемировых кардиганов, брюки и шерстяной жакет), драгоценности (кое-что было на ней прошлым вечером) и книги. Остальное – мебель, семейные портреты, меха – осталось в Берлине.

– Мне они не нужны, – сообщила ей тетка. – Здесь мне нужно всего ничего – немного карманных денег и только.

На повседневные расходы ей почти не требовались наличные деньги – разве что на чаевые, которыми она постоянно и щедро одаривала прислугу. Ежемесячные расходы оплачивались через банк.

Каждое утро фрау Брухмайер отправлялась к морю по золотому песку под окнами своего номера. Ранние пташки, в основном работники других отелей, видели, как она делала зарядку и совершенствовала свое и без того гибкое тело. Затем она делала сорокапятиминутный заплыв. Ее белая резиновая шапочка несколько раз двигалась в сторону горизонта и обратно к берегу. Накупавшись, фрау Брухмайер сидела на песке и смотрела на море.

– Я плавала во всех морях на земле, но красивее этого не видела, – говорила она. – Где еще мне хотелось бы провести остаток дней?

Ее жизнь здесь по сравнению с Германией была идеальной. Не надо было стирать белье, комнату содержали в идеальной чистоте. Не надо было ходить в магазин и готовить – в отеле кормили по-королевски. В собеседниках не было недостатка, и они постоянно менялись, поэтому не надоедали, и она оставалась одна, только если сама этого хотела.

С балкона своего номера фрау Брухмайер наблюдала за строительством «Восхода» по другую сторону бухты и решила поселиться в пентхаусе. До сих пор «Парадиз-бич» ее полностью устраивал – она занимала там лучший номер, – но фрау Брухмайер понимала, что новый отель относился к совсем другой категории. Она прикинула, что, если продать пару колец с бриллиантами, денег в банке хватит еще на пятнадцать лет безоблачной жизни. И решила, что этого более чем достаточно, хотя ее силам и энергии мог бы позавидовать человек вдвое моложе.

Через несколько часов фрау Брухмайер прибыла в свой новый дом. Работникам «Парадиз-бич» было жаль с ней расставаться – она была их счастливым талисманом. Несколько служащих перенесли ее багаж в ожидающее такси. В машину погрузили четыре дорогих чемодана – два в багажник, два на переднее сиденье. Такой же по цвету и фактуре несессер она несла сама. Пообещав, что непременно заглянет их всех навестить, фрау Брухмайер незаметно сунула в руку каждому, кто вышел ее проводить, «маленький сувенир на память».

К обеду она устроилась в новом роскошном гнездышке, состоящем из гостиной, спальни и смежной с ней ванной. В ее глазах это был шикарный дворец с огромными зеркалами на стенах, большим французским пейзажем, написанным маслом, и двумя хрустальными люстрами. Мягкая мебель украшена кантом и бахромой, комод с зеркалом и широченная кровать. Все вещи прекрасно разместились в просторном двустворчатом платяном шкафу.

Распаковав вещи, фрау Брухмайер заказала легкий обед в номер и пару часов отдыхала в шезлонге, потом приняла душ и начала не спеша готовиться к вечеру. Сегодня в первый раз откроет двери ночной клуб, но до этого ее пригласили на ужин с хозяевами отеля.

Она застегнула браслет с брелоками – последний подарок мужа – и спустилась на лифте в холл.

Примерно в то же время Афродити тщательно выбирала драгоценности для сегодняшнего вечера. Она открыла ключом верхний левый ящичек туалетного столика. Почти не глядя, взяла пару серег и вдела в уши. Серьги были круглые, как пуговицы, с огромными аквамаринами в центре. Потом надела широкий золотой браслет (великоватый для ее тонкого запястья, но она не успела отдать его в переделку) с восемью такими же аквамаринами и повесила на шею толстую цепь с кулоном. Камень в нем размером затмевал все остальные. И наконец кольцо. Весь гарнитур отличался простотой, все дело было в огранке камней. Они были прекрасны сами по себе, поэтому не было нужды их украшать. Прозрачный голубой и светло-желтый были красками острова, вероятно, поэтому ювелир назвал свою коллекцию «Хромата тис Кипру» – «Цвета Кипра». Это были цвета, в которых каждый островитянин купался каждый день, но только Афродити была их обладательницей в таком виде.

Утром она проводила родителей в аэропорт, а потом ничего не делала. Прощание было накаленным от сдерживаемых эмоций и полного отсутствия проявления чувств. Глядя на них, посторонние могли бы заключить, что шестидесятилетние супруги приезжали на родину на похороны члена семьи. По какой еще причине женщина оделась бы в черное в такой солнечный день?

В это время года аэропорт Никосии кипел жизнью. Самолеты приземлялись и вылетали каждый час. Зал прилета был заполнен толпой предвкушающих

волшебный отдых туристов. В зале вылета ожидали своих рейсов загорелые курортники, сожалеющие, что их пребывание в раю подошло к концу.

– Я так рада, что вы пришли вчера, – обратилась Афродити к обоим родителям. – Для меня это много значит.

– Отель великолепен, кардия му[14 - Сердце мое (греч.).], – отозвался отец. – Уверен, вас ждет успех.

– Папа, без твоей помощи ничего бы не получилось.

– Деньги – всего лишь деньги, – улыбнулся он. – Твой муж приложил столько усилий… И ты, конечно, тоже.

– Надеюсь, вы снова выберетесь в скором времени, и на подольше… – Афродити сказала это автоматически и без всякой надежды, зная, как и они, что это вряд ли случится.

Она стиснула руку матери, и Артемис опустила голову, уклоняясь от поцелуя дочери.

У Афродити пересохло в горле.

Через мгновение она оказалась в объятиях отца.

– До свидания, дорогая. Рад был тебя видеть, – сказал он. – Береги себя.

– И вы себя тоже, – твердо ответила она.

Афродити смотрела, как родители проходили паспортный контроль и потом скрылись из виду. Только отец обернулся и помахал ей рукой.

После того как вечер состоялся и отель был открыт официально, дел у Афродити убавилось. Возвращаясь из аэропорта, женщина чувствовала себя усталой и опустошенной. Она не знала, чем будет заполнять время. Несколько месяцев Афродити готовилась к торжественному открытию, придумывала цветочные композиции, пробовала канапе, составляла списки гостей. Ее работа по

меблировке тоже была завершена.

Как ей поддерживать свой статус, если вся ее роль сводится к подготовке редких мероприятий и появлению на коктейлях и ужине?

Однако это тоже требовало тщательной подготовки, включая ежедневное посещение парикмахера.

– Кирия Папакоста, представляю, какой вчера был прекрасный вечер! – воскликнула Эмин, когда Афродити появилась на пороге салона красоты. Парикмахерши уже прочитали отчет в газете. – Все, кто что-то собой представляет, были там! Самые важные лица, я хотела сказать!

Эмин и Афродити вели себя непринужденно, как люди, которые знакомы много лет. Для турчанки-киприотки Афродити была и дочерью, и клиентом, а теперь еще и работодателем. Возможно, последнее предполагало более официальный стиль общения, но по молчаливому согласию обе не придавали этому значения.

– И вы так прекрасно выглядели!

– Спасибо, Эмин, – ответила Афродити. – Я получила много комплиментов по поводу прически!

– У нас сегодня не было отбоя от посетителей, – сообщила парикмахерша. – По-моему, приходят даже посторонние, чтобы воспользоваться случаем и осмотреть все.

– Но и гости отеля тоже? – поинтересовалась Афродити.

– Полно! – ответила Савина.

Сегодня Афродити выбрала ярко-зеленое платье – оно эффектно оттеняло прозрачные аквамарины – с рукавами до локтей, чтобы был виден браслет. Юбка пышная, в сборку, подчеркивала тонкую талию.

– Эти цвета вам очень к лицу, – тихо заметила Эмин, расчесывая волосы Афродити, доходившие той до талии. – Вы такая красивая!

– Ты такая милая! Я сегодня чувствую себя немного усталой. Вечер затянулся.

– Ваши родители побудут немного? – Савина протирала зеркало рядом.

– Нет, к сожалению, – ответила Афродити, и они встретились взглядом в зеркале. – Они уже улетели. Ты же знаешь мою мать.

Обе женщины прекрасно ее понимали.

Эмин помнила, как в первый раз встретилась с Артемис Маркидес после смерти ее сына. Та словно вдвое уменьшилась в размерах, а волосы, как потом рассказывала Эмин, из каштановых сделались седыми за одну ночь.

– Я много раз слышала, что так бывает, но не верила, – говорила парикмахерша друзьям. – А тут увидела сама, собственными глазами!

– Жалко, что они так быстро уехали, – вздохнула Савина. – Говорят, в Англии такая плохая погода… А ваша мать любила посидеть на солнышке.

– Мне кажется, она теперь ничего не любит… – пробормотала Афродити. Повисла пауза. – Можешь сделать строгую прическу? Подними опять волосы наверх, но только без локонов, – попросила она.

Эмин еще раз провела расческой по длинным густым волосам Афродити и разделила их на две части. Обе парикмахерши принялись заплетать их в косы и скручивать в пучок наверху, выше, чем было вчера вечером. Чтобы закрепить тяжелые блестящие косы, потребовалось несколько десятков шпилек.

Убранные наверх волосы подчеркивали длинную изящную шею Афродити и делали более заметными серьги в ушах.

Савина поднесла зеркало, чтобы клиентка могла рассмотреть прическу сзади.

– Катапликтика! – ахнула та. – Фантастично!

– Даже лучше, чем вчера, – заметила Эмин.

– Сегодня еще более важный день, – сказала весело Афродити.

Настроение у нее улучшилось: с Эмин и Савиной она могла расслабиться и не изображать жену босса.

– Первый настоящий вечер. Настоящее начало!

– Да вы волнуетесь!

– Это правда. И Саввас тоже.

– Как именины в детстве. Мечтаешь, мечтаешь о них, не веря, что этот день в самом деле настанет.

– Как долго мы этого ждали! И вот свершилось.

– Кто сегодня будет?

– Все, кто живет в отеле. У нас что-то вроде банкета.

Несмотря на утонченную внешность, Афродити вела себя как ребенок. Она спрыгнула с кресла и закружилась, словно игрушечная балерина на музыкальной шкатулке.

Улыбаясь, женщины любовались ею. Все трое отражались в зеркале, Афродити встала между ними, и на мгновение они взялись за руки.

Потом Афродити отпустила их руки.

– Мне пора, – сказала она. – Увидимся завтра. Спасибо за все.

Когда она появилась в холле, Саввас уже встречал первых гостей и направлял их в сторону террасы.

Маркос был на месте и отдавал распоряжения своим сотрудникам обносить гостей напитками. Фрау Брухмайер стояла рядом с ним, держа в руке бокал и беседуя с гостями из Германии. Она оживленно жестикулировала, и кольца на ее тонких пальцах стукались друг о друга, а брелоки на браслете позвякивали. Новый дом привел ее в восторг, а другие гости с интересом и восхищением слушали ее рассказ о том, как уроженка Берлина стала жить под голубыми небесами Кипра.

Маркосу нравилось общество фрау Брухмайер. Его восхищала жажда жизни этой элегантной семидесятилетней дамы. Частенько она последней покидала бар. Иногда в конце вечера Маркос целовал ее в обе щеки.

На террасе появился Саввас. Маркос заметил Афродити, которая шла следом за мужем.

«Crime de menthe[15 - Мятный ликер (фр.).], – подумал он, глядя на стройную фигуру в зеленом. – Вот на что она похожа».

Отвратительный напиток, который он редко предлагал посетителям. Несмотря на то что ликер пользовался популярностью у части гостей, Маркосу было неловко подавать нечто, что на вкус, как он считал, мало отличается от жидкости для полоскания рта.

Георгиу смотрел, как один из официантов понес поднос с напитками. Ему показалось, что Афродити взяла бокал не глядя. По крайней мере, Саввас вежливо кивнул, прежде чем продолжить разговор. Если бы у жены босса тоже были такие приятные манеры! Но она была холодной, как мята, и острой, как колотый лед.

В восемь вечера всех пригласили пройти в зал для частных банкетов. Сегодня был шведский стол, поскольку таким образом можно было лучше всего показать гостям, на что способен шеф-повар и его команда.

Шеф-повар прошел обучение в Париже. Он не готовил блюда – он создавал банкеты. И главными для него были цвет и форма. Сегодня он превзошел себя:

невозможно было догадаться, из чего сделано то или иное блюдо. Рыба, к примеру, была в виде лебедя или, скажем, в виде цветка с множеством лепестков. Десерты были выполнены с особой фантазией и представляли собой средневековые замки или античные триремы.

Саввас вел себя как капитан судна – он был одинаково вежлив и профессионален с пассажирами и командой. По его мнению, отель мало чем отличался от круизного лайнера. И тот и другой представляли собой замкнутое пространство, где идеальный порядок и режим решали все.

Афродити развлекала дам, а Саввас обсуждал политику и финансы с банкирами, бизнесменами и богатыми пенсионерами, которые были их первыми постояльцами. Это была практически частная вечеринка.

Когда были предложены десерты, у гостей закончились слова восхищения.

Фрау Брухмайер, сидевшая как почетный гость во главе стола рядом с Саввасом, в восторге захлопала в ладоши. Несмотря на стройную фигуру, она была сладкоежкой и попробовала чуть ли не с десяток тортов, печенья, муссов и шарлоток. Даже после этого ее ярко-розовая помада лежала на губах безупречно.

Она с нетерпением ждала главного события вечера – открытия ночного клуба. В конце ужина некоторые из гостей перебрались на террасу, чтобы выкурить сигару и выпить бренди. Гостьи удалились в дамскую комнату попудрить носики. До открытия ночного клуба оставались считаные минуты.

Первые посетители прибыли ровно в одиннадцать. Им предложили выпить за счет заведения, и, принимая во внимание, что большинство виски стоило не меньше фунта за порцию, почти никто не отказался.

Маркос переходил от одного столика к другому, здороваясь с каждым гостем за руку, чтобы каждый чувствовал себя особенным. Все были очарованы. Никто не спешил покидать приятную атмосферу или прощаться с хозяином.

Маркос усадил фрау Брухмайер за столик у сцены. Она была глуховата на одно ухо, и ему хотелось, чтобы она получила удовольствие от зрелища. Супружеская пара из Афин, с которой она познакомилась во время ужина, составила ей компанию в этот вечер. Через несколько часов они были похожи на добрых старых друзей. Фрау Брухмайер заказала бутылку шампанского для них троих.

– Гулять так гулять! – произнесла она в качестве тоста.

– За жизнь! – поддержал ее супруг дамы, очарованный этой неожиданно искрометной компаньонкой.

Примерно в час ночи фоновая музыка стихла и пурпурный занавес раздвинулся. На сцене появилась женщина. По залу пробежал удивленный шепот: она была вылитой Мэрилин Монро.

Женщина запела на безупречном английском нежным, чуть с хрипотцой, голосом, и температура в зале заметно поднялась. Когда же между песнями певица заговорила со зрителями, они услышали сильный греческий акцент и оценили перевоплощение еще больше.

Саввас стоял в холле с Афродити.

– Дорогая, может, зайдем выпить чего-нибудь перед уходом? Маркос говорил, сегодня выступает замечательная певица.

Афродити содрогнулась при одном упоминании этого имени.

– Саввас, я так устала после вчерашнего вечера… – умоляюще произнесла она.

– Но, дорогая, ведь сегодня открытие «Клер де…» Ночного клуба!

– Знаю, но я хочу домой.

– Пожалуйста, Афродити. Зайдем на десять минут.

Это была не просьба, а приказ. Саввас говорил необычно строгим голосом. Она неохотно последовала за мужем к двери без таблички, ведущей из холла вниз по

лестнице в ночной клуб.

Слышны были приглушенные аплодисменты. Супруги Папакоста вошли через дверь напротив сцены, и Афродити невольно ахнула. Платиновые волосы двойника Мэрилин Монро и ее персиковая кожа словно светились на фоне пурпурного бархата. Певица низко кланялась, показывая ложбинку между пышных грудей, а мужчина в черном галстуке продолжал играть на синтезаторе фирмы «Муг» мелодию следующей песни. Сцена была устлана гвоздиками, которые бросали благодарные слушатели.

Она пела уже сорок минут, и атмосфера зала была пропитана вожделением и густым сигарным дымом. Маркос заметил, что один из американцев отмечает день рождения, и попросил певицу спеть ему поздравление, как президенту Кеннеди.

Во время исполнения следующей песни все свое внимание она сосредоточила на фрау Брухмайер: примостилась на низком стеганом табурете рядом, подняла тонкую руку – на пальцах сияли кольца с бриллиантами – и томно, как на возлюбленную, смотрела на пожилую даму.

– «Diamonds are a girl’s best friend», – пела она.

Зрители восторженно зааплодировали, даже не дождавшись окончания песни. Певица оказалась еще и хорошей актрисой. Теперь объектом ее внимания стал Маркос, стоявший перед барной стойкой.

Он встретился с ней взглядом и улыбнулся. Его улыбка становилась все шире, когда она начала петь следующую песню: «I wanna be loved by you, just you…»

«Мэрилин» спустилась со сцены, подошла к Маркосу и повела его за собой, продолжая петь. На фоне темного занавеса ее бледная кожа и белокурые волосы казались еще светлее. Ее груди были похожи на белые атласные подушечки, голос был нежным и сексуальным и в то же время детским.

К Саввасу бросился официант, чтобы принять заказ. Супруги Папакоста стояли у бара, потягивая из бокалов. Афродити отказалась садиться. Она не намеревалась задерживаться долго.

Саввас отметил, как мужчины смотрят на «Мэрилин», а женщины на Маркоса. Было похоже на то, что его менеджер отрепетировал свою роль – настолько своевременно тот реагировал на слова песни.

Но что было важнее, Папакоста заметил, как слаженно работают три официанта, постоянно освежая бокалы, открывая бутылки, измельчая лед и смешивая коктейли. Благодаря кондиционеру в зале было около двадцати пяти градусов – оптимальная температура, чтобы гости испытывали жажду, но не чувствовали дискомфорта.

«Молодец», – похвалил про себя Саввас управляющего.

Последние слова исполнительница мурлыкала Маркосу на ухо. «Бу-бу-би-ду!» – соблазнительно прошептала она. Музыка стихла, и на мгновение наступила тишина, которую нарушал лишь звон льдинок в чьем-то бокале.

«Мэрилин» взяла Маркоса за руку, и они поклонились вместе, как два актера. Зрители, вскочив с мест, аплодировали и восторженно кричали.

Маркос заметил жену босса. Она стояла спиной к бару, лицо кислое, как лимоны в вазе у нее за спиной.

Афродити тронула мужа за рукав.

– Пойдем, – сказала она, перекрикивая шум.

Ее голос звучал непреклонно, как недавно голос ее мужа.

Саввас посмотрел на жену. Афродити была единственной в зале, кому не понравилось блестящее выступление. Он знал, что у жены вызывает негодование все, связанное с «Клер де Лун».

– Хорошо, агапи му, – терпеливо сказал он. – Мне нужно кое-что сказать Маркосу, и потом пойдем.

– Я подожду в холле.

Не дожидаясь окончания оваций, Афродити двинулась к выходу.

Со сцены Маркос видел, как мелькнуло зеленое платье, когда она выходила через заднюю дверь. Вечер превзошел даже его собственные ожидания.

Глава 6

Хусейн Ёзкан начинал работу в шесть утра, когда солнце стояло еще низко, но уже пригревало. Чтобы расставлять и складывать лежаки, много ума не требовалось, но парень был рад, что зарабатывает сам, а иногда ему доставались даже чересчур щедрые чаевые. Похоже, многие туристы плохо представляли, сколько стоит кипрский фунт, и Хусейн не собирался их просвещать.

В середине дня был перерыв, и Ёзкан мог с час поиграть в водное поло, а вечером в волейбол. Закончив работу, этот восемнадцатилетний спортсмен, набирающий все лучшую и лучшую форму, покупал себе охлажденного пива «Кео». На закате он сидел на пляже с приятелями и потягивал пиво. Лучшей жизни Хусейн Ёзкан не представлял.

Команды в основном состояли из греков-киприотов, но самыми сильными игроками были турки-киприоты. Он не раз уговаривал младшего брата прийти на пляж и сыграть, но тот не решался. Пятнадцатилетний Али превосходил Хусейна ростом, но был щуплый. Однако настоящая причина заключалась в том, что парень просто не хотел играть в смешанной команде.

– Я им не доверяю, – говорил он. – Они нарушают правила.

Младший брат проводил дома больше времени, чем Хусейн, и в большей степени зависел от мнения отца. Али знал, что Халит Ёзкан не раз жалел, что они переехали в район, где кругом жили греки-киприоты. Ему было бы комфортнее жить в Старом городе, где они не составляли бы меньшинство. Али также знал, что отец боялся. Когда они прочитали в «Халкин сеси» о том, что ЭОКА-Б возобновила свою деятельность, Халит перестал сомневаться в том, что кровопролитие коснется и их.

Хусейн заметил, что чем бы ни занимались отдыхающие – грелись на солнышке, потягивая коктейли, плавали или были поглощены модным триллером, – они всегда поворачивались лицом к солнцу. Лежаки должны располагаться рядами и быть повернуты на восток. Эти иностранцы не желали смотреть в другую сторону. Даже фрау Брухмайер, которая теперь жила на острове, считала, что его красота и очарование – в сочетании синего неба и синего моря.

Им случалось обмениваться несколькими фразами, и пожилая немка всегда справлялась о матери Хусейна. Но и она понятия не имела, что киприоты ходят по лезвию ножа.

Маркоса все больше беспокоила связь Христоса с новым движением за энозис. Ему казалось абсурдным, что кто-то хочет разрушить этот туристский рай. По тому, как расслабленно девушки прогуливались по пляжу в бикини, как мужчины не моргнув глазом оплачивали сумасшедшие счета в баре, он понимал, что туристы, будь то из Греции или из других стран, были совершенно беззаботны. Несмотря на постоянную критику со стороны Христоса, Маркос не менял свою позицию: зачем делать то, что расстроит их мать? Но самое главное: зачем разрушать эту пляжную аркадию?

Каждый вечер клуб «Клер де Лун» был полон. «Мэрилин» пела три дня в неделю, в остальные дни выступали другие артисты кабаре, которых Маркос отобрал лично. Особой популярностью пользовалась исполнительница танца живота из Турции и три танцовщицы из «Ла каз о фол» в Париже, которые умудрялись исполнять канкан на крошечной сцене.

Отпускной сезон продолжался, и репутация «Восхода» и ночного клуба росла. Маркос стал приглашать не только известных в Афинах и Салониках греческих певцов, но и других артистов, в основном из Парижа и Лондона. Саввас тщательно изучал счета, но даже с учетом авиаперелетов эта идея приносила хорошую прибыль. От желающих стать членами клуба не было отбоя, и через несколько месяцев членский взнос существенно увеличился. Цены на алкоголь были астрономическими, но никто не придавал этому значения, поскольку подавалось винтажное виски.

Впервые на Кипре высокие цены сами по себе стали чем-то привлекательным, и все стремились в «Клер де Лун». Люди стояли в очереди, чтобы попасть в клуб,

где цены соответствовали статусу и где вечер, проведенный на пурпурном диване, давал им возможность почувствовать себя принадлежащими к сливкам общества. Те, кто мог позволить себе роскошь, считали неуместным соседство скромных одноэтажных домиков, где семьи сеяли пшеницу, выращивали овощи и доили коз. У обитателей этих параллельных миров были собственные причины чувствовать себя довольными жизнью.

– Это то, что нужно толстосумам, – объяснил Маркос, когда даже Саввас ужаснулся, увидев новый прайс-лист, предложенный управляющим клубом. – Они не хотят ничего дешевого.

– Но в баре в городе алкогольные напитки стоят по два шиллинга, – урезонивал его Саввас.

– Доверьтесь мне, – настаивал Маркос.

Когда в клуб стали захаживать кинозвезды и голливудская супружеская пара провела там два вечера подряд, Георгиу доказал, что с лихвой оправдал ожидания. Теперь в глазах босса его управляющий был прав, что бы он ни сделал.

Отель тоже процветал. В конце сентября, когда впервые все пятьсот номеров были забронированы и заняты, Саввас Папакоста объявил, что ужин теперь будет подаваться в бальном зале.

Бальный зал, как и холл, был оформлен в духе недавних археологических находок в Саламисе: мозаичные полы и изящные колонны при входе. Во время раскопок были обнаружены захоронения, полные сокровищ, которым было несколько тысяч лет. Архитектурные и декоративные мотивы некогда цветущего города Констанции, как Саламис называли во времена римлян, вдохновили Афродити, и она использовала многие детали в оформлении самых больших помещений отеля.

Бальный зал был круглый, напоминающий по форме античный амфитеатр. По периметру располагалось двенадцать женских скульптур. Оригиналы из известняка не превышали тридцати сантиметров в высоту, но Афродити заказала статуи выше человеческого роста, и они как бы поддерживали потолок, подобно кариатидам в Эрехтейоне в Афинах. У каждой в правой руке был

цветок. Афродити поборола соблазн расцветить скульптуры яркими красками, как, вероятно, были раскрашены оригиналы. Она хотела создать впечатление, что цвет перетекает из стен, которые украшали женские маски, чередующиеся с гирляндами из листьев в золотых и зеленых тонах. Маски точно копировали оригинал из гимназиума в Саламисе, но странным образом были похожи на лицо самой Афродити. Отовсюду в зале на посетителей смотрели ее огромные глаза.

Она даже заказала копии стула, который был обнаружен в одной из гробниц в античном городе. Найденные фрагменты были из слоновой кости, и прохладная гладкая текстура оригинала была воссоздана в дереве. Придавая значение каждой мелочи, мастер трудился над парой стульев два года и с дотошностью повторил резные пластины, некогда их украшавшие. Все восхищенно ахали, рассматривая сфинксов и цветки лотоса тонкой ручной работы. Обивщику предоставили свободу в оформлении сидений, и он выбрал золотой шелк, который гармонировал с позолотой корон сфинксов. На стульях во главе стола восседали Афродити и Саввас. Они выглядели как королевская чета на тронах. Афродити использовала элементы, которые восхитили археологов в Саламисе, и собрала их вместе в одном зале.

Стулья были не единственными предметами, над которыми трудились лучшие мастера Никосии. Тончайшие газовые занавеси, свисающие с высокого потолка, были вышиты золотой нитью и смотрелись единым ансамблем с позолоченными листьями, украшающими стены.

Это был храм, посвященный роскоши бытия, в котором отдавалась дань некоторым, если не всем, античным традициям. Пожалуй, материалы этой дорогостоящей стилизации были даже богаче, чем те, из которых были изготовлены оригиналы.

– Агапи му, тебе нравится?

– Мне кажется, наши гости должны это оценить, – тактично ответил Саввас, увидев в первый раз законченную работу, когда были повешены занавеси и расставлены в форме веера столы.

– Разве это не шикарно?

– Да, дорогая, это правильное слово.

Хрустальные бокалы, белые фарфоровые тарелки и начищенные до зеркального блеска приборы – все сверкало и переливалось в свете люстр.

В центре круга на полу красовалась увеличенная, но точная копия знаменитой мозаики из Саламиса, изображающая Зевса в виде лебедя. Это задумывалось как танцевальная площадка, например для первого танца жениха и невесты или для театральных и музыкальных представлений. В этом плане амбиции Афродити не имели пределов. Фамагуста была известна своими театральными и художественными традициями, и молодая владелица отеля хотела, чтобы ее заведение прославилось непревзойденным уровнем исполнительского искусства.

Желая достойно отметить завершение летнего сезона и начало их первой осени, Афродити воплотила свою мечту в жизнь. Она пригласила танцовщиков из Лондона исполнить «Лебединое озеро». На мозаичном полу в подобном интерьере это станет уникальным событием.

Саввас нервничал:

– Милая, это очень дорого…

– Саввас, нам необходимы такие мероприятия. Мы самый большой отель, но должны стать самым лучшим.

Танцевать на мозаичном полу было тяжело, но Афродити не сомневалась, что найдет выход. Было решено представить только самые знаменитые фрагменты балета.

В приглашении лаконично значилось «Лебеди». VIP-гости, прибывшие со всех уголков Кипра в этот самый шикарный отель острова, потеряли дар речи от того, чего удалось достичь супружеской чете.

Лишь немногие видели исполнение классического балета на круглой сцене, и когда прима-балерина закончила свой грациозный и полный драматизма танец, они не могли отвести глаз от этой волшебницы с лебедиными крыльями. Балерина и мозаика слились воедино. Зрители вскочили на ноги и устроили овацию, требуя исполнения на бис. Даже мужчины тайком утирали слезы.

– Великолепно! – признал Саввас. – Всем понравилось, но меня терзают сомнения относительно расходов…

– Дело не в деньгах, – отрезала Афродити.

– К сожалению, именно в них, дорогая. Так или иначе, все сводится к деньгам.

В течение многих лет то же самое Афродити слышала от отца и надеялась, что оба ошибаются. Иначе ее труды были напрасны. Как можно измерить впечатление от росписи из золотых и зеленых листьев и незабываемый танец умирающего лебедя? В этом вопросе супруги все больше расходились во мнении.

Для Савваса любые расходы, будь то плитка для отделки ванных комнат или ювелирные украшения жены, должны были иметь определенную цель и быть оправданны. Папакоста делил выручку на количество гостей и число занятых номеров и потом подсчитывал прибыль. Для него это была математика, лишенная эмоций.

Он применял тот же принцип в отношении сотрудников. Его критерии отбора были такими же простыми: для работы в отеле нужны самые лучшие, и Саввасу было все равно, кто они такие. Главное, чтобы не опаздывали, выполняли работу безукоризненно, не воровали и не просили повышения заработной платы.

Благодаря такой его прагматичности в «Восходе» работали и греки, и турки, причем их пропорция отражала соотношение этих общин на острове. На каждого турка-киприота приходилось четыре грека-киприота, и все они говорили по-гречески (даже если родным языком был турецкий) и по-английски. Среди сотрудников было также несколько американцев и маронитов[16 - Марониты – приверженцы маронитской католической церкви; как правило, живут отдельными общинами. – Примеч. ред.]. Иностранные гости вряд ли отличали одних от других. Чтобы угодить боссу, все сотрудники должны были работать не покладая рук, невзирая на свое этническое происхождение и вероисповедание. А чем они занимались и куда ходили в нерабочее время, было их личным делом. К концу года в отеле работала тысяча служащих.

Хотя сам Саввас Папакоста не особо интересовался культурным богатством Кипра, на работе отеля это не отражалось. Он согласился раз в неделю

устраивать «Вечера Кипра», когда будут подаваться блюда местной кухни и исполняться традиционные танцы.

Предполагалось, что на этих вечерах служащие отеля, греки и турки, будут танцевать в специально сшитых национальных костюмах. Мужчины выглядели сногсшибательно в красных жилетах, с широкими перевязями, в просторных бриджах и высоких кожаных сапогах. Женщины были очаровательными в длинных сборчатых юбках малинового цвета и белых блузках. Участие было делом добровольным, но тех, кто уклонялся, брали на заметку. Время от времени Эмин уговаривала Хусейна поучаствовать. Так он мог бы заработать немного дополнительно, а танцевал парень отлично.

Национальные танцы давались гостям, в особенности американцам, с трудом, зато они наслаждались едой, впервые получая представление о «настоящем» Кипре. Обученный во Франции виртуозный шеф-повар отдыхал, а его место занимали двое коллег из лучших таверн Никосии. Они привозили подносы с готовыми блюдами и весь день готовили новые. Гости с жадностью наполняли тарелки фрикадельками, сыром халлуми, голубцами в виноградных листьях и клефтико[17 - Мясо по-гречески (греч.).] и приходили в восторг от разнообразия десертов: катаифи[18 - Печенье из слоеного теста с орехами (греч.).], пахлава и всевозможные турецкие леденцы. Многие впервые пробовали зиванию, которой угощали щедро. Даже специально заказали побольше дешевых тарелок, чтобы гости могли их беспрепятственно колотить и писбть потом на отправляемых домой открытках: «Сногсшибательно проводим время!»

Разогретые алкоголем и сладостями, гости отплясывали до полуночи, а потом перебирались в «Клер де Лун», чтобы продолжить вечер. Покинув полумрак пурпурного подземелья, они пересекали холл и оказывались на террасе, где смотрели, как встает солнце. Как Саввас и предполагал, «Восход» был лучшим местом, чтобы встречать рассвет. От этого зрелища и вправду всякий раз захватывало дух.

Глава 7

В октябре народу на пляже поубавилось, но Хусейн продолжал работать. Его попросили починить сломанные лежаки и зонтики, а потом он помогал

ремонтировать лодку отеля. За этим последовали еще кое-какие работы на пляже. Посетителей в салоне тоже стало меньше, и Эмин иногда отпрашивалась, чтобы обслужить пожилых клиенток, которые предпочитали делать стрижку и завивку на дому.

Одной из них была жившая на той же улице Ирини Георгиу. Эмин не видела ее несколько месяцев и, направляясь к ней, захватила шампунь и бигуди. Пока накрученные волосы Ирини сохли, у женщин было время посплетничать и обменяться новостями.

– У Маркоса дела обстоят отлично, – похвасталась Ирини.

– Да, ночной клуб пользуется большим успехом, – подтвердила Эмин. – Все только о нем и говорят! Наша постоянная клиентка, семидесятилетняя немка, проводит там все вечера!

– Маркос рассказывал о ней, – кивнула Ирини. – А как твой Хусейн?

– Подзаработал немного. Не знаю, как долго он захочет работать на пляже, но, по крайней мере, так у него есть время для спорта…

Политику женщины не затрагивали. Ситуация в стране все лето была нестабильной, и обе знали об этом. В начале года возникла опасность военного переворота, целью которого было свержение Макариоса, и Турция привела войска в боевую готовность. Туркам-киприотам даже посоветовали запастись продуктами, и Эмин забила до отказа кладовую. Переворот предотвратили, но Макариос по-прежнему сталкивался с противостоянием оппозиции в лице своих епископов и греческой хунты. Страх из-за постоянной угрозы кровопролития лишал женщин сна и покоя. Однако, как ни странно, туризм это мало затрагивало.

Саввас прогнозировал резкое снижение заполняемости отеля с наступлением осени. Несмотря на это, Папакоста собирался получить солидную прибыль. Однако он никак не ожидал, что люди, посетившие отель в июле, захотят в него вернуться в ноябре. Это означало, что «Восход» был по-прежнему наполовину заполнен. Погода была приятная, солнышко теплое и ласковое, море еще не остыло. Шикарные магазины и кафе в городе продолжали работать, а в «Клер де Лун» каждый вечер не было свободных мест.

Раз в неделю Афродити звонила родителям. Трифонас живо интересовался всем происходящим в отеле, и почти все время разговора уходило на то, чтобы ответить на его нескончаемые вопросы. Афродити очень удивилась, когда однажды в ноябре вместо отца к телефону подошла мать. Дочь услышала, как Трифонас Маркидес кашляет, и поняла, что отцу нездоровится до такой степени, что он не поехал играть в гольф.

Афродити подумывала, не навестить ли родителей.

– Я бы хотел, чтобы ты повременила, – сказал ей Саввас. – Гостям приятно нас видеть. По крайней мере, тебя точно…

Это был не просто комплимент. Присутствие Афродити вызывало у дам такое же возбуждение, как у их мужей выступление артистки в ночном клубе. Что жена владельца отеля наденет сегодня? Какие драгоценности на ней будут? Такие вопросы не давали им покоя.

– Я беспокоюсь за…

– Останься до января. После Рождества будет спад, тогда и съездишь.

Она не сразу ответила.

– Но…

– Сейчас ты не поедешь.

– Послушай, Саввас! Мне кажется, отец…

– Я все сказал! – Он стукнул кулаком по столу. – Афродити, мы должны думать только о деле.

Впервые она поняла, что работа для Савваса важнее всего остального. И впервые муж повысил на нее голос.

Афродити ушла потрясенная, дрожа от гнева. Несколько дней появлялась в отеле, чтобы исполнять обязанности жены босса, но с мужем не разговаривала.

Популярность ночного клуба не падала. Она не зависела от сезона; кроме того, на Кипре не было недостатка в богачах, которым требовались выпивка и развлечения. Маркос постоянно находил новых исполнителей и закупал элитное виски.

Богатые бизнесмены приходили на неделе, политики – по выходным. Все засиживались до зари. Хозяин не только знал всех по именам, но и понимал, кого куда лучше посадить. Каждый день он прочитывал по нескольку газет и был хорошо осведомлен о том, кто кому завидует или кто с кем находится в конфликте. Если бы не его потрясающий такт, многие уже давно бы перебрались в другое заведение. «Клер де Лун» был местом, куда стремились все.

Уверенность Маркоса росла по мере того, как ночной клуб становился гордостью его босса. Георгиу купался в комплиментах клиентов, коллег и даже конкурентов. Фактически все, кроме Афродити Папакосты, признавали его талант. Чтобы отметить окончание первого квартала после открытия, Маркос заказал у портного три костюма с более широкими лацканами, чем были сейчас в моде, и со слегка расклешенными брюками, скрывавшими ботинки на высоком каблуке. Покрой костюмов подчеркивал его стройность и слегка добавлял роста.

Когда Георгиу приходил во второй половине дня на работу, чтобы проверить, что в ночном клубе все в порядке, он часто встречал Афродити Папакосту, которая тоже приезжала в «Восход» в это время. Однажды в декабре они столкнулись на входе лицом к лицу. Швейцар распахнул двери, и Маркос машинально отступил в сторону, давая Афродити пройти. Он заметил, как она улыбнулась управляющему отелем – улыбались и рот, и глаза.

Ее лицо изменилось, когда она посмотрела на Маркоса. Губы растянулись, но лучики в уголках глаз исчезли. Взгляд стал пустым.

– Добрый вечер, – вежливо сказала она.

– Добрый вечер, кирия Папакоста, – ответил он. – Как поживаете?

Маркос понимал, как нелепо выглядит такое церемонное общение, но Афродити за все время так и не предложила обращаться к ней по имени. Более того, и сейчас, как много раз до этого, она не удосужилась ответить на вопрос.

Саввас спешил навстречу жене. Она немного опоздала, так случалось, когда он не заезжал за ней домой. Несколько гостей уже собрались в баре, Афродити не успела их поприветствовать.

– Все хорошо, Маркос? – поинтересовался Саввас на ходу.

Не дожидаясь ответа, он схватил Афродити за руку и потащил к бару на террасе. Маркос увидел, как та высвободилась, но на руке, словно браслет, остался след.

Георгиу спустился в «Клер де Лун» и убедился, что бокалы сверкают, бутылки выстроены в нужном порядке, а барные табуреты расположены друг от друга на одинаковом расстоянии. Этот подземный мир в пурпурном цвете принадлежал ему. Он провел рукой по подлокотнику бархатного кресла, чтобы расправить ворс, и подвинул стопку подставок для коктейлей, чтобы она располагалась точно в центре барной стойки. На подставках значилось «Клер де Лун».

Убедившись, что все в порядке, Маркос поднялся в главный бар на случай, если потребуется его помощь. Он знал: Саввасу нравилось, когда его управляющий так делал.

Этим вечером народу собралось много. В отеле устраивали ужин в честь праздника Агиоса Николаоса – святого Николая. Маркос пробирался сквозь толпу к бару, когда его путь, как шлагбаум, преградила рука. Он узнал резной браслет в античном стиле и кольцо с сапфиром. Это Афродити желала, чтобы он забрал у нее пустой бокал.

Жест, полный высокомерия. Ему ничего не оставалось, как взять у нее бокал и продолжить путь. Молчаливый обмен презрением и унизительным раболепием.

Поздоровавшись с официантами и барменами, Маркос подошел к новым посетителям на другом конце террасы. На открытом воздухе было сравнительно тепло. Сначала он скажет что-нибудь смешное, и они рассмеются. Потом поразит их воображение описанием сегодняшней программы кабаре. Затем

переместится к другой группе и повторит все сначала. К тому моменту, когда был подан ужин, он уже знал, что все столики в «Клер де Лун» будут заняты.

Афродити всегда знала, где находится Маркос Георгиу. Если где-то смеялись, он был там, в самом центре.

В конце года Саввас сообщил, что прибыль отеля в два раза превысила ожидаемую. Главным ее источником был ночной клуб.

– Из всех работников этот человек – наш главный актив, – признался он жене.

Афродити промолчала и лишь натянуто улыбнулась.

К январю отель опустел, но ресторан и бар по-прежнему пользовались популярностью, а «Клер де Лун» закрывался не раньше четырех утра. Несмотря на необходимость заказать кое-что из мягкой мебели, Афродити чувствовала себя не у дел. Ее миссия была полностью выполнена.

Когда однажды она позвонила в выходной день родителям, никто не снял трубку. Афродити сразу поняла: что-то случилось. Маркидесы никуда не выходили вечером по воскресеньям. Через несколько часов в ее квартире раздался телефонный звонок. Звонила мать.

– Твой отец в больнице, – сообщила она. – Можешь приехать?

Афродити с трудом понимала, что говорит мать. Артемис плакала, и дочь только разобрала слова «анализы» и «очень исхудал».

Она заказала билет на ближайший рейс в Лондон, но раньше вторника вылететь не удалось.

Анализы, о которых говорила Артемис, подтвердили, что у Трифонаса Маркидеса рак легких – он выкуривал по три пачки сигарет в день – и что операция ни к чему не приведет. Состояние отца резко ухудшалось.

Когда Афродити приехала из аэропорта Хитроу в больницу, ее мать сжимала холодные руки мужа. Он умер час назад.

Потрясение полностью лишило сил мать и дочь, но вскоре на них обрушилась еще одна забота: нужно было оформлять необходимые документы. Обе знали, что делать в подобном случае на Кипре, но здесь были брошены на произвол судьбы. На них свалилось множество дел, необходимо было соблюсти столько формальностей! Организовать похороны в Англии оказалось делом хлопотным. У Трифонаса Маркидеса было много друзей в греческой общине по соседству, и все они помогали, чем могли, – женщины хлопотали и готовили еду, их мужья давали дельные практические советы.

Саввас прилетел через тридцать шесть часов.

– Дорогая, мне очень жаль. – Его слова показались Афродити совершенно пустыми.

«О чем он сожалеет? – думала она. – О том, что не дал мне свидеться с отцом, пока не стало уже поздно?» Этого она никогда не простит мужу.

Мать и дочь продолжали оплакивать усопшего. В их переживаниях было неподдельное горе. Саввас был исключен из круга скорбящих.

В течение нескольких недель после смерти и похорон тестя Папакоста приезжал и уезжал несколько раз. Афродити с матерью оставались одни. Каждый раз, уезжая с Кипра, он был уверен, что оставляет «Восход» в надежных руках. Маркос Георгиу точно знал, как следует вести дела, даже лучше Костаса Франгоса.

После службы на сороковой день настало время прочитать завещание. Трифонас Маркидес оставил жене достаточно средств, чтобы жить комфортно. Полагались скромные выплаты каждой из трех его сестер, живших на Кипре, а его доля в «Восходе» досталась дочери. Никакие другие суммы в завещании не упоминались.

– А как же его прочие капиталы? – недоумевал Саввас.

– Не расстраивайся, – увещевала мужа Афродити. – Он так много вложил в наш бизнес. Может, у него больше ничего не осталось.

Она глубоко переживала потерю отца и не слишком задумывалась о деньгах.

– Но у него был экспортный бизнес, я это точно знаю! В доках полно контейнеров с именем Маркидес! – Возмущенный Саввас отказывался верить жене и не скрывал разочарования.

Когда все номера в «Восходе» были забронированы на следующее лето, он начал вести с тестем долгие телефонные разговоры о капитальной перестройке «Парадиз-бич». Трифонас Маркидес обещал поддержать его финансово. Конкуренты уже возводили отель, который мог стать соперником «Восхода», и у Савваса было дурное предчувствие, что его обгонят. Он не представлял, что произошло с наследством, и ходил мрачнее тучи. Афродити понимала, что творится в душе мужа.

Она тревожилась за мать и, естественно, предложила ей вернуться с ними на Кипр. По правде говоря, ни Афродити, ни Саввас особо не уговаривали Артемис, зная, что она не оставит решения горевать до конца своих дней. Но, как оказалось, о переезде не могло быть и речи, принимая во внимание то, что Трифонас Маркидес покоился на кладбище в Саутгейте. Его жена останется рядом, чтобы соблюдать все обряды поминовения. В любом случае ее отношение к Кипру не изменилось.

Когда Афродити наконец вернулась на Кипр вскоре после поминок на сороковой день, она увидела, что Костас Франгос отлично справился с повседневным управлением отелем. Тем не менее было очевидно, что все слаженно функционировало именно благодаря Маркосу Георгиу, на что ей с удовлетворением указал Саввас.

– Нам повезло, что у нас есть такой человек, – сказал он. – Уникальный работник, с финансовой хваткой! Персонал его любит, клиенты обожают…

– А фрау Брухмайер его просто боготворит, – перебила мужа Афродити. – Иногда мне кажется, он ее соблазняет…

– Афродити, что ты говоришь! Конечно же, это не так.

Афродити все больше раздражало, что муж не дает ей и слова сказать в адрес человека, который взял на себя роль заместителя босса.

За ее горем таилась обида на Савваса за то, что он не отпустил ее к умирающему отцу. Ее охватил такой сильный гнев, что она вышла не прощаясь.

Глава 8

После смерти тестя Саввас решил, что если уж они не могут построить новый отель, то должны обновить старый. Папакоста встретился со своим архитектором, чтобы выяснить, можно ли поменять внешний вид «Парадиз-бич», придав ему более современный вид. Особых иллюзий Саввас не питал, но затеянное, помимо всего прочего, могло бы отвлечь его скорбящую жену.

Афродити окунулась в работу над интерьерами и была рада, что ей есть чем себя занять.

Однажды в пятницу в конце марта она поехала на встречу с оптовым продавцом тканей, чей офис находился в центре Фамагусты.

Было прекрасное безоблачное утро, и в кафе на главной площади люди пили кофе и грелись на солнышке. Апельсиновые деревья на соседних улицах были усеяны пышным белым цветом, и воздух наполнился сладким ароматом. Вскоре в Фамагусте пройдет главное культурное событие – апельсиновый фестиваль, и горожане уже готовились к нему. Группа энтузиастов сооружала огромный корабль из апельсинов, который пронесут по улицам в знак уважения к фрукту, подарившему городу процветание и хорошее здоровье.

По дороге Афродити заглядывалась на витрины магазинов. У нее были свои любимые, но постоянно открывались новые, и она не отказывала себе в удовольствии заглянуть в них. Мода, казалось, менялась каждый день. Пожалуй, следующей зимой она начнет носить расклешенные брюки, возможно, даже комбинезоны, в которые были наряжены многие манекены, но пока останется верна платьям. Их было множество – разных по фасону и расцветке. Похоже, в моду входили цветочные мотивы.

Выходя из магазина, Афродити заметила знакомое лицо. Маркос Георгиу сидел за столиком кафе с молодой женщиной. Они оживленно о чем-то разговаривали. Афродити ни разу не встречалась с управляющим мужа вне отеля, и ей в голову не приходило, что у него есть личная жизнь. Прежде всего она обратила внимание, что на Маркосе нет пиджака. Афродити не видела его в рубашке, поскольку для персонала отеля существовали строгие правила относительно внешнего вида. Маркос слегка откинулся на спинку стула, и вид у него был непринужденный. Его собеседница светилась счастьем. Ее длинные темные волосы струились по плечам. Она широко улыбалась, показывая идеально белые, как и у Маркоса, зубы. Афродити подумала о муже, чьи зубы слегка портили желтые пятна от табака.

Маркос со спутницей заметно отличались от других пар за соседними столиками, которые вели себя не столь раскрепощенно и задушевно. Они подходили друг другу, и это бросалось в глаза. Афродити овладело острое чувство зависти при виде такого взаимопонимания.

Увидев жену босса, Маркос встал. Он тоже осознал, что они никогда не встречались вне стен отеля. Странно, после стольких лет… Он был, как всегда, безукоризненно вежлив и обратился к ней, как обычно, официально.

– Доброе утро, кирия Папакоста, – сказал он. – Позвольте вам представить…

Афродити протянула руку и тут только заметила, что женщина с трудом пытается приподняться из-за стола.

– О, прошу вас, не вставайте. Я не заметила!

Молодая женщина была беременна, и большой живот мешал ей встать. Она снова села.

– Сколько уже?..

– Почти восемь, – ответила женщина, расцветая прямо на глазах.

– Как волнительно! – сказала Афродити. – Всего месяц остался! Что ж, удачи вам. Маркос будет держать нас в курсе. Правда, Маркос?

Она повернулась к помощнику мужа, и тот кивнул. Как странно! Возможно, из-за того, что он флиртовал с представительницами слабого пола в отеле, она считала, что он холост.

Афродити пошла дальше. Ей совсем не хотелось продолжать разговор с Маркосом. Они и раньше мало общались, и теперь ей было трудно изображать радость, которой она не испытывала.

Через несколько минут после ее ухода к паре присоединился еще один мужчина.

Афродити размышляла о случайной встрече всю дорогу и добрую часть дня. Ее сбило с толку то, что Маркос был женат и, более того, скоро станет отцом. Отчего это ее взволновало, она объяснить себе не могла. В последний год Афродити мечтала о ребенке, но месяц проходил за месяцем, принося разочарование. Возможно, это как-то могло объяснить ее реакцию.

На следующее утро в их квартире раздался телефонный звонок. Саввас ушел рано на совещание в «Восходе». Она сняла трубку. Мужской голос, английский акцент. Афродити охватила дрожь. Неужели что-то с матерью?

– Миссис Папакоста?

– Да… – Почувствовав слабость в ногах, она опустилась на ближайший стул. – Слушаю…

– Это Джордж Мэтьюс. Из «Мэтьюс энд Тенби солиситорс».

В трубке замолчали. Ни она, ни звонивший не знали, прервалась ли связь, как это часто случалось, или нет.

– Мы встречались несколько месяцев назад, когда оглашалось завещание вашего отца.

Афродити не нужно было напоминание.

– У нас на руках оказались кое-какие бумаги… Миссис Папакоста, вы меня слышите?

– Да, – облегченно выдохнула она, начиная понимать, что звонок не касается здоровья ее матери.

– Выяснилось, кому ваш отец перед смертью передал собственность его компаний. Он перевел все на ваше имя.

– Но в завещании…

– Это вне рамок завещания.

Афродити потребовалось время, чтобы осознать сказанное. Ее отец был ловким финансистом и знал, как приумножить ее наследство.

– Ваша мать, вероятно, об этом знала и не возражала, – продолжал юрист.

Афродити долго не отвечала. Она догадалась, что отец, скорее всего, знал, что умирает, когда они виделись в последний раз.

– Миссис Папакоста…

– Я вас слушаю… Благодарю, что сообщили мне.

– Вам нужна дополнительная информация?

– Не сейчас, благодарю вас. Не в данный момент.

Афродити хотела поговорить с Саввасом. Это было то, на что так надеялся ее муж.

Известие может изменить их будущее! Когда Джордж Мэтьюс понял, что на этот раз связь действительно прервалась, Афродити уже спускалась вниз на лифте.

Она мчалась в сторону отеля по прямой дороге на полной скорости, въехала через чугунные ворота и припарковалась рядом с машиной мужа. С колотящимся сердцем Афродити бросилась к входной двери.

Солнце отражалось под таким углом на отполированном стекле, что она видела свое отражение, но внутри было темно. Афродити ворвалась в холл и столкнулась с Маркосом, который спешил к выходу. Она выронила сумочку, и все содержимое разлетелось по сторонам.

Маркос никогда не видел, чтобы жена босса спешила. Она всегда двигалась с достоинством. И он всегда видел ее только тщательно причесанной и безукоризненно одетой.

Несколько сотрудников уже ползали на четвереньках, выуживая ее вещи из-под мебели и из цветочных горшков.

С трудом удержавшись на ногах, Афродити не скрывала раздражения.

– Какого черта вы не смотрите, куда идете?! – выхватив ключи от своей машины у Маркоса из рук, выпалила она.

Он молча стоял, отступив в сторону. Жена босса была несправедлива, но что он мог сказать? Маркос прекрасно помнил, сколько раз она ставила его на место подобным образом, и приписал эту обиду к общему счету.

Афродити направилась к двери с табличкой «Только для персонала» в дальнем конце холла и вошла без стука:

– Саввас, мне надо с тобой поговорить.

Папакоста удивленно смотрел на жену – раскрасневшаяся, небрежно одетая и растрепанная, тем не менее она счастливо улыбалась. Встав из-за стола, он попросил Костаса Франгоса прийти через час.

Не дожидаясь, пока тот покинет кабинет, Афродити начала рассказывать о том, что произошло.

– Нам больше не понадобится эта ткань! – объявила она торжествующе, вытаскивая образец из сумки. – Ремонт не нужен, будем все перестраивать!

– Что это значит?

Афродити рассказала все по порядку.

– Наша мечта сбудется! – в завершение воскликнула она.

Саввас хранил чертежи своего следующего проекта в нижнем ящике письменного стола, под замком. Он достал их, разложил на столе и впервые за долгое время улыбнулся жене.

– Теперь нас ничто не останавливает! – ликовала Афродити.

– Позвоним юристу. Нам нужно получить эти деньги как можно скорее. А пока возьму кредит.

– Думаю, отец бы обрадовался, – отозвалась Афродити.

Впервые после смерти Трифонаса Маркидеса между супругами Папакоста растаял лед.

Через три месяца Афродити продала бизнес отца, и у них оказалось достаточно средств, чтобы снести «Парадиз-бич» и начать строительство.

В новом отеле будет двадцать пять этажей и шестьсот номеров, но он будет ниже по стандарту по сравнению с «Восходом» и предназначен для людей с более скромными доходами. Размер заведения гарантировал получение быстрой прибыли. Если они вложат в проект все до цента и будут работать ускоренными темпами, оплачивая сверхурочные, отель можно будет открыть через полтора года. Супруги Папакоста приняли решение вместе: чем больше они вложат, тем быстрее проект окупится.

– Возможно, какое-то время придется воздержаться от покупки новых украшений… – пробормотал Саввас извиняющимся тоном.

– У меня их и так больше, чем нужно, – успокоила мужа Афродити. – Если надевать каждый день новые, месяца не хватит.

В ее словах была правда. Когда в первый год работы «Восхода» прибыли потекли быстрее, чем их можно было сосчитать, Саввас стал регулярно заказывать новые украшения для жены. Он закупал драгоценные камни и золото на вес у разных поставщиков. Так он мог точно знать сумму изначальных инвестиций. Затем ювелиру – как правило, это был Дионис Пападопулос, лучший в городе мастер, – оплачивали дизайн и работу, и в этом процессе Афродити принимала деятельное участие. Ей нравились очень простые и современные вещи, но с деталями, повторяющими украшения, найденные в захоронениях в Саламисе. Это увеличивало стоимость, но Савваса интересовала лишь цена исходных материалов.

Теперь у Папакосты хватало времени только для поставщиков бетона и стекла, и он подсчитывал прибыль тем же методом, как и стоимость драгоценностей жены.

Ирини Георгиу почти не видела старшего сына. Маркос пропадал в «Восходе» с девяти утра до четырех утра следующего дня. Его обаяние было незаменимо, когда возникали какие-то недоразумения с клиентами, будь то сантехника или неумышленная ошибка в счете. Все без исключения гости покидали отель с чувством полного удовлетворения, и многие даже принимали Георгиу за владельца.

Христоса мать тоже видела редко. Общения с ним не получалось: сын либо отмалчивался, либо пропадал где-то, и она старалась не думать, где именно. К счастью, Ирини была занята: Мария произвела на свет ее первого внука, и большую часть времени новоиспеченная бабушка проводила в ее квартире, напевая колыбельные маленькому Василакису. Это дарило Ирини чувство покоя, в то время как кровавое будущее подбиралось все ближе и ближе. Каждый раз, когда муж возвращался из кафениона и рассказывал об очередном нападении ЭОКА-Б на полицейский участок или на политика, она лишь крепче прижимала ребенка к груди.

Глава 9

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сверкающей, как чистейшей воды бриллиант (греч.). – Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных случаев.

2

Моя дорогая (греч.).

3

Любовь с первого взгляда (фр.).

4

Техника живописи, создающая оптические иллюзии (фр.).

5

Добрый вечер (греч.).

6

Господин (греч.).

7

Свершившийся факт (фр.).

8

Сад (греч.).

9

Виноградная водка (греч.).

10

Дерьмо (греч.).

11

Греческие нарды (греч.).

12

Мой богатырь (греч.).

13

Жорж Огюст Эскофье (1846–1935) – французский ресторатор, критик, кулинарный писатель, популяризатор традиционной французской кухни.

14

Сердце мое (греч.).

15

Мятный ликер (фр.).

16

Марониты – приверженцы маронитской католической церкви; как правило, живут отдельными общинами. – Примеч. ред.

17

Мясо по-гречески (греч.).

18

Печенье из слоеного теста с орехами (греч.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/viktoriya-hislop/voshod-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить